

Портнягин Дмитрий Валерьевич,
кандидат филологических наук, доцент
кафедры «Зарубежная филология,
лингвистика и преподавание
иностраных языков» КГУ. В 2008 году
защитил кандидатскую диссертацию
в РГПУ им. А. И. Герцена.

Научные интересы:

- творчество Фридриха Шиллера,
- английский готический роман,
- роман антивоспитания,
- европейская и американская
литература XVIII-XIX веков.

Читает лекции и руководит
практическими занятиями по курсу
«История зарубежной литературы».

В оформлении обложки
использована репродукция картины
Гуго Мерле «Алая буква» (1861)

ISBN 978-5-4217-0751-6

9 785421 707516

Курганский
государственный
университет

Библиотечно-издательский
центр

65-48-12

Д. В. Портнягин

АМЕРИКАНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА XVIII – XIX ВЕКОВ:

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Учебное пособие

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Курганский государственный университет»

Д. В. Портнягин

**АМЕРИКАНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА XVIII-XIX ВЕКОВ:
ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ**

Учебное пособие

Курган 2026

ББК 83.3(7)я73
УДК 821.111(73)(075.8)
П 60

Рецензенты:

Москавец Марина Николаевна, канд. филол. наук, доцент секции романо-германских языков кафедры иностранных языков МГИМО-Одинцово;

Ощепкова Анна Игоревна, канд. филол. наук, зав. кафедрой «Русская литература XX века и теория литературы» СВФУ им. М. К. Аммосова.

Печатается по решению методического совета Курганского государственного университета.

Портнягин Д. В.

Американская литература XVIII-XIX веков: избранные произведения : учебное пособие / Д. В. Портнягин. – Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 2026. – 116 с.

Учебное пособие посвящено творчеству четырех ключевых фигур ранней американской литературы. Материал структурирован по авторам и сочетает биографический обзор с кратким литературным анализом основных произведений. В каждом случае рассматривается историко-культурный контекст, ключевые темы, символы и персонажи. На материале произведений К. Мэзера, Ч. Б. Брауна, В. Ирвинга и Н. Готорна раскрываются ключевые аспекты американской истории, культуры и общественной мысли XVIII-XIX вв.: от пуританской теократии до формирования национальной идентичности и критики социальных условностей.

Издание предназначено для практикующих преподавателей-специалистов в области зарубежной литературы, сравнительного литературоведения, студентов-филологов.

ISBN 978-5-4217-0751-6

© Курганский
государственный
университет, 2026
© Портнягин Д. В., 2026

Содержание

Предисловие.....	4
Коттон Мэзер	4
Сочинения.....	9
Краткое содержание избранных эссе	10
Некоторые персонажи эссе Мэзера	14
Основные темы эссе Мэзера	16
Цитаты и анализ	18
Символы, аллегории и мотивы.....	21
Примеры контрольных эссе по сочинениям Коттона Мэзера.....	25
Вопросы и задания.....	26
Чарльз Брокден Браун	28
«Виланд».....	29
Краткое содержание романа	31
Краткая характеристика персонажей «Виланда»	34
Основные темы «Виланда».....	37
Цитаты и анализ	43
Примеры контрольных эссе	50
Дополнительная информация: самовозгорание.....	55
Вопросы и задания.....	57
Вашингтон Ирвинг	58
«Легенда о Сонной Лощине».....	60
Краткая характеристика персонажей «Сонной Лощины»	61
Основные темы «Сонной Лощины».....	63
Цитаты и анализ	68
Примеры контрольных эссе	75
Дополнительная информация: гессенские наемники	79
Вопросы и задания.....	81
Натаниэль Готорн.....	83
«Алая буква».....	85
Краткое содержание романа	86
Краткая характеристика персонажей «Алой буквы»	88
Основные темы «Алой буквы».....	90
Дополнительная информация: наказание за прелюбодеяние	94
Вопросы и задания.....	95
Библиографический список.....	97
Приложение	100

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящее издание посвящено творческому наследию ключевых представителей раннего этапа становления американской литературной традиции. В фокусе анализа находятся четыре фигуры, чье творчество оказало определяющее влияние на формирование национальной литературной парадигмы: Коттон Мэзер, Чарльз Брокден Браун, Вашингтон Ирвинг и Натаниэль Готорн.

Каждый из упомянутых авторов представляет различные, но взаимосвязанные аспекты литературного процесса своего времени. От религиозно-дидактических сочинений Мэзера, отражающих мировоззренческие установки пуританской Новой Англии, через готические произведения Брауна, исследующие проблемы идентичности и границ рационального, к ироничным повестям Ирвинга, формирующим мифологический фундамент американской культуры, и, наконец, к философско-психологической прозе Готорна – таков хронологический и тематический путь, предлагаемый читателю.

Методология издания сочетает историко-литературный подход с тематическим анализом. Каждый раздел включает обзор биографического контекста, выделение ключевых тем и мотивов. Особое внимание уделяется межтекстовым связям и диалогу между авторами, что позволяет проследить преемственность и трансформацию основных литературных стратегий.

Издание предназначено для студентов-филологов, а также всех интересующихся генезисом и ранним развитием литературной традиции Соединенных Штатов. Представленные материалы могут быть использованы в качестве основы для академических курсов по истории зарубежной литературы, специальных семинаров по американской литературе XVIII-XIX веков, а также послужить фундаментом для квалификационных работ.

Коттон Мэзер (Mather, 1663–1728)

Коттон Мэзер был пуританским проповедником, историком и самым молодым выпускником Гарвардского колледжа. Будучи представителем третьего поколения одной из влиятельных семей Новой Англии, он наиболее известен своей связью с Салемскими процессами над ведьмами 1692–1693 гг.

Коттон Мэзер родился 19 марта 1663 года в Бостоне, Массачусетс. Он был старшим сыном Инкриза (1639–1723) и Марии Мэзер, а также внуком Ричарда Мэзера (1596–1669) – первого пастора Дорчестера (Массачусетс) – и Джона Коттона (Cotton, 1585–1652), возможно, самого образованного богослова первого поколения американских колонистов.

Отец Коттона, Инкриз Мэзер, служил пастором Второй церкви Бостона, был представителем колонии в Англии, а с 1685 по 1701 год – номинальным президентом Гарвардского колледжа (хотя и не проживал там постоянно). Оба родителя ожидали, что Коттон пойдет по стопам отца. Это бремя ожиданий сделало его очень серьезным ребенком, а страх не оправдать надежд проявлялся в заикании, когда он говорил. Потребовались годы тренировок, чтобы Коттон смог преодолеть эту проблему с речью.

Коттон Мэзер, добившись выдающихся успехов в обучении под руководством отца, поступил в Гарвардский колледж в возрасте 12 лет. К тому времени он уже начал изучать древнееврейский язык и проявлял живой интерес к философии.

Его отец присвоил ему первую ученую степень в 16 лет. Вскоре Мэзер занялся изучением медицины и, будучи еще молодым человеком, начал посещать собрания для научных экспериментов и дискуссий. В 19 лет он получил степень магистра.

В 1690 году Мэзер стал стипендиатом (fellow) Гарвардского колледжа и до конца жизни принимал активное участие в его делах. Однако одним из самых горьких разочарований для него стало то, что его так и не пригласили занять пост президента колледжа, о чем он долго мечтал.

Жизнь Коттона Мэзера была полна разочарований и потерь. В 1686 году он женился на Абигайль Филлипс, родившей ему 9 детей, но в 1702 году она скончалась. Его вторая жена, вдова Элизабет Хаббард, на которой он женился в 1703 году, подарила ему шестерых детей, но умерла

в 1713 году. Третий брак с Лидией Джордж (1715 год) принес новое горе: со временем она лишилась рассудка. Из 15 детей Мэзера только 6 дожили до зрелого возраста, а двое пережили его самого.

Три овдовевшие сестры Мэзера во многом зависели от него, а сам он страдал от постоянных финансовых трудностей. Тревога и депрессия усугубляли его и без того непомерно высокие требования к себе.

Мэзер был глубоким мыслителем. С юных лет он ежедневно читал Библию и строго соблюдал молитвенные практики. Его стремление творить добро и жить по христианским принципам оставалось с ним всю жизнь. Если в молодости он резко критиковал другие церкви, то с годами пришел к духу терпимости.

В 1685 году Мэзер был рукоположен во Второй церкви Бостона. Он служил помощником пастора вплоть до смерти своего отца (1723 год), после чего возглавил общину.

В своем труде «Memorable Providences, Relating to Witchcrafts and Possessions...» (1689) Мэзер пытался доказать существование духов, особенно злых, но, хотя он призывал сурово карать «дьявольские деяния», для самих обвиняемых в колдовстве предлагал наказание мягче смертной казни. Его подход сочетал религиозные и научные взгляды: он дистанцировался от судебных процессов, предостерегал судей против использования «спектральных доказательств» (показаний о видениях и призраках), однако предупреждения остались без внимания. В «Magnalia Christi Americana» (1702) Мэзер открыто осудил методы, применявшиеся на процессах в Салеме. Но в разгар судилищ он не выступал с публичными протестами. Это противоречие между личными убеждениями и молчанием в критический момент осталось темным пятном на его биографии.

Совокупность различных факторов привела к ослаблению влияния Мэзеров. В недавно основанной Браттлской церкви созрело новое поколение более прогрессивно мыслящих людей. Вместе с другими они добились отстранения Инкриза от должности президента Гарварда в 1701 году. Палата представителей назначила Коттона на этот пост, однако члены совета колледжа отменили решение, проигнорировав его кандидатуру. Тогда он обратил свое внимание на Йельский колледж. Но когда президент Йеля подал в отставку, Мэзер, судя по всему, отказался

от предложения занять его место. Это была его последняя возможность получить высокую должность.

Хотя Мэзеры сохраняли строгие и бескомпромиссные взгляды относительно многих культурных и церковных изменений, они находились в интеллектуальном авангарде колоний. Коттон регулярно переписывался с учеными со всего мира. В 1710 году он был удостоен почетной степени доктора богословия от Университета Глазго (Шотландия). В 1713 году его избрали в Королевское общество Лондона.

Коттон и Инкриз были среди первых в колониях, кто поддержал вакцинацию против оспы, за что подверглись угрозам. Несмотря на опасность (в окно дома Коттона даже бросили бомбу), Мэзеры вместе с доктором Забдиэлем Бойлстоном (Boylston, 1679–1766) успешно реализовали эту программу. Их мужество и решимость позволили внедрить важнейшее медицинское новшество, несмотря на яростное сопротивление общества. Это демонстрирует парадоксальное сочетание в Мэзерах консервативных религиозных взглядов с прогрессивным научным мышлением, что делает их фигурами исключительной важности в истории американского Просвещения.

Мэзер писал на 7 языках, включая язык ирокезов. При жизни было опубликовано 382 его произведения самых разных жанров: исторические труды, проповеди, биографии, притчи, назидательные сочинения, религиозно-научные эссе и поэзия. Его писательский стиль сочетал назидательность с практичностью и доступностью – Мэзер считал, что главная задача хорошего текста – учить.

Особого внимания заслуживают его новаторские работы:

1 «Бонифаций, или Опыты благотворения» (1710) – практическое руководство по благочестивой жизни, которое Бенджамин Франклин (Franklin, 1706–1790) называл книгой, сильнее всего повлиявшей на его юность.

2 «Псалтериум Американум» (1718) – поэтический перевод Псалмов с музыкальной адаптацией.

«Великие деяния Христа в Америке» (1702) – монументальная история Новой Англии в 7 частях. Этот труд, включивший многие его ранние работы, охватывает колонизацию региона, биографии губернаторов и священников, историю Гарварда и становление конгрегационалистской церкви.

«Magnalia Christi Americana» остается ценнейшим источником для понимания пуританского мировоззрения, демонстрируя уникальное сочетание религиозного рвения с научным подходом к истории. Даже будучи маргинализированным современниками, Мэзер создал литературное наследие, оказавшее глубокое влияние на американскую культуру.

Коттон Мэзер стал летописцем уходящей эпохи. Колония Массачусетского залива, некогда представлявшая собой замкнутое сообщество «святых», основанное на библейских принципах и призванное служить образцом благочестия в ожидании Второго пришествия, переживала радикальные изменения. В годы жизни Мэзера произошло отделение церкви от государства, началось активное освоение фронта и формирование общества, ориентированного на коммерцию и прибыль, что привело к заметному охлаждению религиозного рвения среди колонистов.

Американцы нового поколения все чаще обращались к природе и разуму как источникам формирования своей идентичности. Мэзер, переживший отца всего на 5 лет и скончавшийся 13 февраля 1728 года в Бостоне, стал своеобразным мостом между эпохами. Несмотря на то, что его взгляды постепенно уходили в прошлое, его интеллектуальное наследие оказало значительное влияние на развитие американской мысли.

Такие выдающиеся писатели XIX века, как Ральф Уолдо Эмерсон (Emerson, 1803–1882), Генри Торо (Thoreau, 1817–1862) Гарриет Бичер-Стоу (Beecher Stowe, 1811–1896), Джеймс Рассел Лоуэлл (Lowell, 1819–1891), Натаниэль Готорн и Генри Лонгфелло (Longfellow, 1807–1882) открыто признавали свой творческий долг перед Мэзером. Его труды стали важным связующим звеном между пуританской традицией колониального периода и расцветом американской литературы в эпоху романтизма.

Сочинения

Коттон Мэзер остается одним из самых плодовитых авторов, когда-либо писавших на американской земле. Хотя более 500 его книг, памфлетов, трактатов, статей и проповедей были опубликованы еще до появления Соединенных Штатов как государства, его по праву считают одной из самых влиятельных литературных фигур в американской истории – во многом благодаря поистине неиссякаемому потоку создаваемых им эссе.

Даже беглый и далеко не полный перечень случайно выбранных названий его работ позволяет понять широту тем, к которым обращался Мэзер – потомок двух самых влиятельных пуританских пасторов первого поколения колонистов Массачусетса. Вот характерные примеры:

«Прах и пепел. Эссе о покаянии до последнего вздоха. Наставление бдительному христианину: как сохранить ежедневную практику покаяния до конца земного пути?»

«Трактат о кометах: их природа, законы движения, причины и масштабы их атмосферы и хвостов; с рассуждением об их предназначении и роли»

«Неисцелимое. Трактат о неизлечимых страданиях: что делать человеку, когда исцеление невозможно? Наставление и утешение для тех, кто сталкивается с тяжкими испытаниями, где единственное лекарство – терпение».

Эти заголовки отражают типичный для Мэзера подход, сочетающий богословскую глубину с практическими наставлениями, что делало его произведения одновременно философскими и прикладными. Подобные работы, создававшиеся им в огромном количестве, формировали интеллектуальный ландшафт колониальной Америки и продолжали влиять на мыслителей последующих поколений.

Среди всех эссе Коттона Мэзера наиболее известным и изученным по праву считается его работа «Бонифаций. Трактат о БЛАГОДЕЯНИИ, кое надлежит замышлять и совершать тем, кто стремится ответить на главный Замысел жизни и ТВОРИТЬ ДОБРО, пока они живы». Этот пространственный заголовок содержит ключевую фразу, которая проходит красной нитью через все его творчество, становясь своеобразным *credo* писателя. Для Мэзера, убежденного пуританина и просветителя, высшей целью литературного труда было передать читателям не просто

абстрактные знания, но практическую мудрость, дабы вдохновить их на конкретные добрые дела.

В этом фундаментальном труде Мэзер предстает перед нами в трех ипостасях: как систематизатор знаний, преобразующий теологические концепции в четкие жизненные ориентиры; как социальный реформатор, разрабатывающий конкретные механизмы улучшения общества; и как новатор, соединяющий пуританскую духовность с практицизмом зарождающегося Просвещения. По сути, Мэзер создал не просто философский трактат, а подробное руководство по преобразованию мира через ежедневное, осознанное творение добра, заложив тем самым основы американской традиции практической филантропии, которая найдет свое продолжение в эпоху Просвещения.

Краткое содержание избранных эссе

«Предостережение пастве против волков в овечьей шкуре»

(A Warning to the Flocks Against Wolves in Sheep's Clothing, 1700)

Эссе было написано Мэзером в ответ на участившиеся случаи мошенничества среди духовенства в Бостоне. Особое возмущение вызвала история «преподобного» Сэмюэля Мэя, оказавшегося простым рабочим, который использовал доверие, традиционно оказываемое священнослужителям, чтобы соблазнять женщин из церковной общины.

Работа стала не просто богословским трактатом, а руководством по социальной безопасности в условиях, когда традиционные институты доверия начали давать сбои. Мэзер здесь выступает как ранний критик институционального лицемерия, чьи предостережения звучат удивительно современно.

«Обращение негров в христианство»

(The Negro Christianized, 1706)

В трактате «Обращение негров в христианство» Коттон Мэзер предпринимает попытку разрешить глубокое нравственное противоречие своей эпохи, соединяя, казалось бы, несовместимые принципы. С одной стороны, он страстно призывает рабовладельцев исполнять христианский

долг, обращая своих рабов в истинную веру, с другой – совершенно не ставит под сомнение сам институт рабства.

Это произведение представляет собой удивительный сплав религиозного рвения и социального конформизма. Мэзер, с присущей ему методичностью, разрабатывает целую программу христианского просвещения порабощенных африканцев, видя в этом не только духовную миссию, но и способ укрепления существующего порядка. Его аргументация строится на парадоксальном тезисе: обращение в христианство должно не освобождать рабов, а делать их «лучшими слугами» – более покорными и добросовестными.

Историческая значимость этого трактата заключается в том, что он, сам того не желая, заложил основы для будущего аболиционистского движения. Призывая признать духовное равенство чернокожих перед Богом, Мэзер невольно создал богословскую предпосылку для последующей борьбы за их гражданское равенство. В этом проявилось характерное для пуританской мысли противоречие между религиозным радикализмом и социальным консерватизмом.

Современному читателю этот текст представляется глубоко двойственным – в нем христианский гуманизм странным образом сочетается с поразительной слепотой к человеческим страданиям. Однако именно эта противоречивость делает его ценным историческим документом, запечатлевшим мучительный процесс пробуждения нравственного сознания в эпоху, когда религиозное просвещение еще не означало социального освобождения.

«Награда за добродетель»

(The Reward of Well-Doing, 1710)

Это эссе можно охарактеризовать как призыв совершать добро, следуя известному изречению о том, что добродетель сама по себе является наградой. Мэзер утверждает, что единственной истинной компенсацией за праведное поведение является обретение милости в глазах Божьих.

Такой подход можно расценить как догматический и неубедительный – Мэзер апеллирует исключительно к религиозной вере, не пытаясь найти философские или практические обоснования своей

позиции. В результате эссе больше напоминает проповедь для уже убежденных, чем аргументированное рассуждение, способное переубедить сомневающихся.

Тем не менее, работа отражает типичную для пуританской этики идею: истинная награда за добро – не земная выгода, а духовное одобрение свыше. Но с точки зрения логики и убедительности этот тезис остается неподкрепленным весомыми доводами.

«Усердие нечестивых в творении зла»

(The Diligence of Wicked Men in Doing Evil, 1710)

В этом провокационном эссе Коттон Мэзер исследует парадоксальный феномен: почему грешники проявляют больше рвения в своих порочных делах, чем праведники – в добродетели.

С характерной для пуританского проповедника категоричностью Мэзер рисует почти демонический образ методичного и изобретательного зла, противопоставляя его робкому и нерешительному добру. Его аргументация, страдающая отсутствием системного анализа и сводящаяся преимущественно к теологическим штампам о «кознях Сатаны», неожиданно предвосхищает современные психологические наблюдения о том, как отсутствие моральных ограничений может становиться конкурентным преимуществом.

Это произведение, наполненное апокалиптическими образами и риторическими преувеличениями, служит одновременно и духовным предостережением, и косвенным упреком пассивным членам конгрегации, и любопытным историческим документом, запечатлевшим пуританскую одержимость проблемой теодицеи. При всей своей догматической узости, эссе невольно фиксирует важный социально-психологический феномен, который позднее найдет более системное осмысление в работах философов и социологов.

Мэзеровский анализ, несмотря на ограниченность религиозной парадигмы, неожиданно обретает новую актуальность в контексте современных дискуссий о природе зла и механизмах социальной деградации, демонстрируя, как религиозный ригоризм XVII века странным образом перекликается с наблюдениями светской мысли последующих эпох.

**«Дамы и состоятельные господа обладают возможностью
творить много добра»**

(Ladies and Men of Wealth Have the Means of Doing Much Good, 1710)

В этом эссе Коттон Мэзер утверждает принцип десятины как непреложный библейский закон, заявляя, что пожертвование менее 10 % от дохода может быть расценено как святотатство. Однако его подход выходит за рамки простого соблюдения формального правила.

Мэзер поднимает ключевой вопрос: если богатые обязаны отдавать больше, поскольку обладают большими средствами, то насколько больше они должны жертвовать ради общего блага? Хотя он оставляет окончательное решение на совести каждого, его аргументация строится на двух важных тезисах:

1 Добровольная щедрость сверх обязательной десятины приносит особую милость в глазах Бога.

2 Истинное благочестие измеряется не минимальными отчислениями, а готовностью жертвовать больше, улучшая жизнь общины и помогая нуждающимся.

Таким образом, Мэзер трансформирует ветхозаветный принцип десятины в активный призыв к социальной ответственности, где материальные пожертвования становятся не просто религиозным долгом, но способом стяжать духовную славу. Его аргумент, хотя и основанный на кальвинистской этике, предвосхищает идеи просвещенной филантропии, где богатство рассматривается как инструмент служения обществу.

Однако, как и в других работах, Мэзер не предлагает системных экономических решений, а апеллирует к личной мотивации: чем больше человек отдает, тем выше его награда на небесах. Это создает парадокс – призыв к щедрости сочетается с индивидуалистическим подходом, оставляя социальное неравенство без критического переосмысления.

«О человеке»

(Of Man, 1721)

Несмотря на большой объем, это эссе Мэзера содержит простую и прямолинейную мысль: в грандиозной космической иерархии Земля занимает низшее положение, а человек, созданный по образу Божьему, поставлен господином над всем земным.

Хотя Мэзер преподносит это как откровение, его аргумент по сути повторяет средневековый аналоговый принцип, где человеческая форма принимается за абсолют без критического осмысления. Это типичный пример того, как пуританская мысль, даже стремясь к рациональности, оставалась заложником догматического антропоцентризма.

Некоторые персонажи эссе Мэзера

Марта Кэрриер

Героиня эссе «Процесс Марты Кэрриер», обвиненная в колдовстве в Салеме летом 1692 года. Марта категорически отрицала свою вину, несмотря на абсурдные обвинения в сверхъестественных нападениях, будто бы она кусала и душила людей. Ирония ситуации заключалась в том, что, согласно показаниям «пострадавших», дьявол обещал Марте ни много ни мало титул Королевы Ада – своеобразную «сделку века» – в обмен на ее душу.

Мэзер, будучи современником этих событий, излагает процесс с пуританской серьезностью, но сегодня текст читается как мрачная сатира на судебную истерию и гендерную предвзятость того времени. Особенно поражает абсурдность обвинений в физических атаках, приписываемых «магическим силам», и парадоксальная логика «дьявольского договора» – почему будущая «королева» преследовала обычных людей?

Этот очерк остается ценным историческим свидетельством, демонстрирующим, как религиозный фанатизм и социальная напряженность породили одну из самых мрачных глав американской истории, когда соседские распри и личные обиды обретали форму фантастических обвинений в колдовстве.

Елизавета

Собирательный образ благочестивой женщины в эссе «Елизавета в своем благочестивом уединении: Наставление богобоязненной женщине в послеродовой период» (1710).

Уже сам факт применения литературного таланта к столь специфическим темам заслуживает уважения, даже если многие его идеи сегодня кажутся спорными.

Центральной темой произведения становится горячая рекомендация молодым матерям самостоятельно кормить грудью своих младенцев, а не перепоручать это дело кормилицам. Мэзер строит свою аргументацию на трех основаниях: моральном долге (представляя естественное вскармливание как форму религиозного благочестия), медицинских соображениях (что необычно для пуританской литературы, он уделяет внимание физиологическим аспектам) и социальной критике (осуждая практику состоятельных семей, которые избегали кормления детей).

Этот текст примечателен тем, что, несмотря на свой ригористичный тон, он предвосхищает современные дискуссии о естественном родителстве, демонстрирует неожиданный для пуританского проповедника интерес к женской физиологии и остается ценным историческим документом, отражающим представления о гендерных ролях в колониальном обществе начала XVIII века. Характерно, что даже в таком, казалось бы, сугубо практическом вопросе, как грудное вскармливание, Мэзер находит возможность для религиозного назидания, превращая бытовую рекомендацию в вопрос духовного выбора.

Иеремия Фенвик

Фенвик – человек, чья смерть послужила поводом для написания эссе «О способе укротить необузданный гнев» (1717). Судя по всему, этот мужчина в приступе ярости безрассудно схватил топор и нанес несколько ударов по голове своему надоедливому соседу. Таким образом, Фенвик стал примером того, как нельзя управлять своим гневом.

Сэр Исаак Ньютон

Мэзер не ограничивался лишь темами колдовства или религии – он был хорошо осведомлен в науках, что опровергает стереотип о вечном противостоянии религии и научного знания. Ньютон, признанный гений науки той эпохи, упоминается в нескольких работах Мэзера.

Особенно примечательно эссе «Трактат о кометах: их природа, законы движения и проч.» (опубл. в 1744), где Мэзер, с одной стороны, заявляет: «Сэр Исаак Ньютон – человек, с которым трудно не согласиться в чем бы то ни было», но затем осмеливается оспорить его теорию о «плотных, компактных и устойчивых» свойствах комет. Как показало дальнейшее развитие астрономии, в этом конкретном вопросе прав

оказался именно пуританский проповедник, а не автор законов классической механики.

Этот эпизод красноречиво свидетельствует, что Мэзер, оставаясь глубоко верующим человеком, внимательно следил за научными дискуссиями своего времени и не боялся подвергать сомнению даже самые авторитетные мнения, если они противоречили его наблюдениям. Его творчество демонстрирует удивительную для пуританского теолога открытость естественно-научному знанию, разрушая упрощенные представления о фанатичной враждебности религиозных деятелей к науке в колониальной Америке.

Основные темы эссе Мэзера

Творение добра

Сборник эссе Мэзера «Бонифаций, или Опыты благотворения», более известный под своим подзаголовком, занимает особое место в истории американской мысли. Эта работа отражает парадоксальную природу мэзеровского мировоззрения. Хотя идея благотворения действительно пронизывает все его сочинения, трактовка этой концепции удивительным образом выходит за рамки пуританской ортодоксии.

Мэзер предстает перед нами как мыслитель, сочетающий, казалось бы, несочетаемое – фанатичную веру в колдовство с прогрессивными педагогическими взглядами, где вместо традиционных для эпохи наказаний он предлагает методы положительного подкрепления. Эта внутренняя противоречивость делает его фигурой, одновременно принадлежащей пуританской традиции и выходящей за ее пределы.

В «Бонифации» Мэзер создает уникальный синтез религиозного рвения и практического гуманизма, превращая абстрактную идею добра в конкретное руководство к действию. Именно эта утилитарная направленность его философии, этот переход от теологических абстракций к повседневной практике милосердия, позволили его идеям пережить свою эпоху и оказать влияние на формирование американской традиции благотворительности.

Таким образом, Мэзеровская концепция «творения добра» представляет собой сложный сплав ортодоксального пуританства и зарождающегося просветительского гуманизма, где религиозный фанатизм странным образом уживается с социальным новаторством.

Примирение веры и науки

Репутация Коттона Мэзера пострадала из-за его защиты тех, кто утверждал, что ведьмы терроризируют Салем. Ирония заключается в том, что, несмотря на эту связь с охотой на ведьм, Мэзер был одним из немногих пуританских лидеров, кто активно стремился примирить науку и религию.

Наиболее ярким примером этого стремления стал его труд «Христианский философ: Собрание лучших открытий в природе с религиозными размышлениями» (1721) – масштабный сборник эссе, посвященных самым разным научным вопросам: от насекомых до радуг и законов гравитации. В этой работе Мэзер не просто излагает научные знания своего времени, но и пытается вписать их в религиозную картину мира, доказывая, что изучение природы лишь укрепляет веру в Божественный замысел.

Таким образом, хотя имя Мэзера часто ассоциируется с мракобесием салемских процессов, его наследие гораздо сложнее. Он был человеком противоречивым – одновременно и поборником научного познания, и защитником суеверий. Но именно его попытки соединить рациональное мышление с религиозной верой делают его одной из самых неоднозначных и интересных фигур раннего американского Просвещения.

Религиозные наставления

Не стоит забывать, что основной обязанностью Коттона Мэзера было пасторское служение, и он продолжал дело основателей пуританской колонии в Массачусетсе, а также своего отца – одного из самых известных людей Нового Света. Поэтому многие его эссе посвящены вопросам совершенствования религиозного обучения и духовной практики.

Мэзер рассматривал эссе как инструмент наставления, охватывая самые разные аспекты этой темы – от «Наставлений о том, как достичь истинного благочестия в пении псалмов» до «Обращения негров в христианство: Трактата, призывающего и способствующего благому делу наставления чернокожих слуг в вере», а также множества более узконаправленных работ, предназначенных для самих священнослужителей.

Его сочинения в этой сфере отражают стремление не просто передать доктрину, но и сделать религиозную практику более глубокой и осмысленной – будь то через музыку, проповедь или катехизацию. Однако они же демонстрируют и противоречия пуританской мысли, где желание «просвещать» соседствовало с неприятием инаковерия и жесткими социальными иерархиями.

История и религия

Для Коттона Мэзера история освоения американского континента была не просто предметом изучения, а глубоко личным семейным наследием. Его предки стояли у истоков великого исхода пуритан, бежавших от религиозных гонений в Англии. Эта кровная связь с первопроходцами придавала особую достоверность его историческим трудам – многие события он описывал со слов непосредственных участников, а порой и родственников.

В мировоззрении Мэзера судьба американских колоний и пуританская вера переплетались неразрывно. Он видел в истории Нового Света не просто хронологию событий, а священное повествование о Божьем промысле. Каждое достижение поселенцев, каждая трудность трактовались им как звенья одной цепи – реализации божественного замысла по созданию общества «истинно верующих».

Такой провиденциалистский подход превращал его сочинения в уникальный синтез документальной хроники и религиозного откровения. Фактический материал у Мэзера всегда служил иллюстрацией более высокой духовной истины: освоение диких земель представало как продолжение библейской истории, а сами колонисты – как новые избранники Провидения. Эта концепция «священной истории Америки» во многом определила формирование ранней американской идентичности.

Цитаты и анализ

What Law is it, that Sets the Baptised Slave at Liberty? Not the Law of Christianity: that allows of Slavery; Only it wonderfully Dulcifies, and Mollifies, and Moderates the Circumstances of it. Christianity directs a Slave,

upon his embracing the Law of the Redeemer, to satisfy himself, That he is the Lords Free-man tho' he continues a Slave.

Mather, "The Negro Christianized" [19; 26].

Одно из самых известных и, несомненно, наиболее влиятельных эссе Мэзера бросало вызов давнему убеждению рабовладельцев, что обращение рабов в христианство приведет к массовым волнениям и восстаниям. Мэзер взялся доказать прямо противоположное – христианизация, по его мнению, даст обратный эффект.

В работе утверждалось, что знакомство языческого населения с христианскими доктринами, подкрепленными свидетельствами из Писания, не вызовет недовольства своим рабским положением, а напротив – принесет утешительное осознание своего места в Божественном миропорядке. По сути, это был тот самый аргумент, который использовали христиане, оправдывавшие рабство: раз Библия его допускает, значит, вопрос закрыт.

Мэзер добавлял и «позитивный» аспект: внедрение в сознание рабов страха перед вечным рабством, которое не заканчивается со смертью, становилось мощным инструментом пропаганды.

Это эссе ярко демонстрирует, как пуританская риторика использовалась для защиты социального статус-кво, превращая религию в инструмент контроля. Примечательно, что сам Мэзер искренне верил, что предлагает «благо» для рабов, совершенно не замечая нравственного противоречия между христианской идеей равенства перед Богом и земным рабством.

So then the Distance of the nearest Fixed Stars is at least 2,404,520,928,000 Miles, which is so great that if a Cannon-Ball (going all the way with the same Velocity it has when it parts from the Mouth of the Gun) would scarce arrive there in 700,000 Years. Great God, what is thy Immensity!
Mather, "Of the Stars" [10, 18].

Распространенное заблуждение о пуританах заключается в том, что их консервативные взгляды проистекали из невежества и отрицания науки. В действительности пуритане зачастую были более образованны, чем их современники, скрупулезно вели дневники и приходили к своим, казалось бы, ненаучным выводам не из-за недостатка знаний, а через

особую интерпретацию фактов. Они не отрицали научные данные, но пропускали их через призму Священного Писания.

Яркой иллюстрацией этого подхода служат работы Коттона Мэзера. Обладая глубокими познаниями в современной ему науке – от космологии до теории пространства-времени – он тем не менее использовал эти знания не для объективного изучения мира, а как подтверждение уже сложившегося тезиса о всемогуществе Бога-творца. Этот метод становится лейтмотивом всех его эссе: изначальная предпосылка о существовании Бога и Его вмешательстве во все процессы принимается как аксиома, а все последующие научные данные подбираются и интерпретируются исключительно как доказательства этой базовой истины.

Таким образом, пуританская мысль, в частности у Мэзера, представляет собой не отрицание науки, а ее своеобразную «теологизацию» – сложную систему, где эмпирические наблюдения служат не для поиска объективной истины, а для подтверждения религиозных догм. Это создает парадоксальную картину: при всей своей образованности и внимании к научным фактам, пуритане строили не столько научную, сколько апологетическую картину мира, где любое новое знание лишь укрепляло заранее принятые духовные установки.

That there is a Devil, is a thing doubted by none but such as are under the influences of the Devil.

Mather, “The Wonders of the Invisible World” [22, 42].

Это высказывание вскрывает фундаментальные логические противоречия, присущие эссе Мэзера.

Сочинение призвано предоставить доказательства в поддержку утверждения автора о том, что Новая Англия находится в чрезвычайной опасности из-за дьявольских козней. Мэзер выдвигает четыре тезиса, включая существование военизированной иерархии среди дьяволов и специализацию некоторых из них именно на искушении новоанглийских пуритан. Однако все эти построения опираются на Первый тезис – аксиоматическое принятие существования Дьявола.

Таким образом, вся аргументация работает только внутри его системы координат. Для тех, кто изначально не разделяет веру в буквальное присутствие Сатаны, эти «доказательства» звучат как

минимум абсурдно. Мэзер, подобно повару с искаженным вкусом, создает стройную логическую конструкцию, но ее убедительность целиком зависит от готовности читателя безоговорочно принять исходную предпосылку. В этом и заключается ключевая слабость его метода: он не доказывает существование Дьявола – он исходит из него, превращая теологическую догму в отправную точку для «рациональных» умозаключений.

Символы, аллегории и мотивы

Израиль

В произведениях Коттона Мэзера проходит важная символическая параллель между Новым Светом и библейским Израилем. Колонии Новой Англии, особенно пуританские поселения, изображаются как богоизбранная земля, чье основание было предопределено самим Господом. Этот мотив, повторяющийся в его работах, превращает американский эксперимент в исполнение библейского пророчества – Новую Англию Мэзер воспринимает как духовного преемника древнего Израиля, народа, заключившего завет с Богом.

В этой аналогии кроется глубокая тревога автора. Если колонисты – «новый Израиль», то их судьба также должна соответствовать библейскому образцу: за нарушение завета последует божественная кара. Ветхозаветная история напоминает, что Израиль был разрушен именно за отступничество. Этот тревожный подтекст пронизывает эссе Мэзера: с одной стороны, он превозносит колонии как «град на холме», с другой – постоянно предупреждает о риске духовного упадка.

Таким образом, образ Израиля у Мэзера служит не только символом богоизбранности, но и напоминанием о хрупкости этой избранности. Его эссе балансируют между триумфализмом («мы – новый народ Божий») и апокалиптическими опасениями («если мы согрешим, нас постигнет участь Иерусалима»). Эта двойственность отражает главный парадокс пуританского мировоззрения: уверенность в особой миссии сочеталась с постоянным страхом божественного возмездия за грехи.

Мотив Израиля становится ключом к пониманию историософии Мэзера – для него прошлое, настоящее и будущее колоний

осмысливаются через призму библейской истории с ее циклами благословений и наказаний.

Апокалипсис

Для Коттона Мэзера концепция Апокалипсиса – будь то «конец времен», «Страшный суд» или «тысячелетнее царство» (миллениаризм) – имела глубокое символическое значение.

Мэзер не просто верил в приближение конца света – он был убежден, что решающая битва между добром и злом произойдет именно на землях Америки, а ему самому уготована роль одного из духовных вождей, которые поведут праведников в последнюю схватку с силами тьмы.

Это убеждение превращает его эссе в уникальное сочетание пророческих предостережений и личной мессианской риторики. Современные ему события – от эпидемий до конфликтов с коренным населением – интерпретируются как неопровержимые знамения приближающегося конца. Примечательно, как в этой апокалиптической картине соединяются коллективная эсхатология и индивидуальное самовосприятие: Мэзер одновременно и глашатай грядущего суда, и потенциальный участник последней битвы, что придает его текстам особую эмоциональную напряженность.

Такой взгляд отражает характерную для пуританского сознания двойственность: с одной стороны, тревожное ожидание божественной кары за грехи, с другой – надежда на особую миссию избранного сообщества. В интерпретации Мэзера история американских колоний становится заключительным актом мировой драмы спасения, где Новая Англия играет роль одновременно и нового Израиля, и арены последней схватки между Христом и Антихристом.

Ангелы

Для Коттона Мэзера ангелы были не просто символическими образами, но и реальными сверхъестественными существами, активно вмешивающимися в земные дела. Он искренне верил в их существование, и эта вера выходила за рамки абстрактного богословия, приобретая глубоко личный характер.

Согласно его записям, ангел являлся ему с конкретным откровением: его труды будут опубликованы и читаемы не только в Америке, но и в

Европе, а сам он станет одним из предводителей «воинства света» в последней битве против сил тьмы. Это видение отражает характерную для Мэзера особенность мышления – способность переводить библейские образы в плоскость личного духовного опыта.

В его эссе ангелы выполняют несколько функций:

- Посланники Божьи, передающие божественную волю (как в случае с его «призванием»).
- Защитники праведников в их борьбе с дьявольскими искушениями.
- Участники космической войны, где земные события являются отражением небесной битвы.

Примечательно, что Мэзер не просто верил в ангелов – он воспринимал их как активных участников исторического процесса, особенно в контексте апокалиптических ожиданий. Эта вера подпитывала его убежденность в особой миссии Новой Англии как нового «богоизбранного народа», а себя самого он видел пророком, получившим небесное благословение на руководство духовной битвой последних времен.

Таким образом, ангелы в мировоззрении Мэзера – это не абстрактные символы, а важнейшие действующие лица его личной религиозной драмы и всей истории спасения. Их реальность для него была так же несомненна, как и факты материального мира, что придавало его произведениям уникальное сочетание мистицизма и практической назидательности.

Дьяволы (демоны)

Подобно тому, как ангелы выступали у Мэзера одновременно и реальными посланниками света, и символами божественного вмешательства, силы тьмы также занимали важное место в его мировоззрении. Коренное население Америки он рассматривал как жителей так называемых «Территорий Дьявола» – земель, находящихся под полным контролем сатанинских сил.

В глазах Мэзера, незнание индейцами христианского учения могло объясняться только одним – всеобъемлющим влиянием дьявола. Таким образом, прибытие пуритан в Новый Свет приобретало характер

священной миссии: они были призваны Богом, чтобы отвоевать эти земли у сил тьмы, которые слишком долго правили здесь беспрепятственно.

Этот мрачный дуализм придавал пуританской экспансии характер космической битвы, где переселенцы выступали божественным орудием, призванным сокрушить многовековые твердыни сатанинской власти. В таком мировоззрении трагически переплетались религиозный фанатизм и колониальная риторика: искреннее стремление нести слово Христа соседствовало с тотальным отрицанием автохтонных культур, автоматически записываемых в стан сил тьмы. Мэзеровская концепция демонического влияния создавала опасный прецедент, когда физическое уничтожение коренного населения могло оправдываться как духовное освобождение территории.

Особую парадоксальность этой доктрине придавало то, что сам Мэзер искренне верил в миссионерское призвание колонистов, не замечая, как его риторика де-факто освящала насилие. В его понимании, противостояние с индейцами было не просто земным конфликтом, а эпизодом вселенской войны между Богом и Сатаной, где пуритане выступали божественным авангардом. Эта апокалиптическая оптика превращала колониальный проект в эсхатологическую драму, где каждая захваченная территория символизировала победу света над тьмой, а сопротивление коренного населения лишь подтверждало силу дьявольского влияния.

Коттон Мэзер

Коттон Мэзер, стал, пожалуй, самым ярким символом, порожденным его собственными сочинениями. Его дневники и эссе рисуют портрет сложного ума, пытавшегося осмыслить современную ему науку, но из-за огромного количества болезненно ошибочных выводов он вошел в историю как воплощение суеверного человека, действующего без принципов ради поддержания беспочвенной идеологии.

Сам по себе этот факт мог бы оставить Мэзера просто одним из многих пуританских теологов. Однако активное участие Мэзера в расследованиях случаев колдовства, его одержимость дьявольским влиянием и поддержка судебных расправ сделали его персонификацией самых мрачных аспектов пуританства – религиозной нетерпимости, иррациональных страхов и слепого преследования инакомыслящих.

Примечательно, что при всей своей начитанности и попытках рационального подхода, Мэзер в итоге стал ходячим противоречием: ученый, отрицающий научный метод; богослов, оправдывающий насилие; мыслитель, отрицающий критическое мышление.

Этот трагический парадокс его личности – сочетание образованности и суеверия, стремления к знанию и идеологической зашоренности – превратил Мэзера в вечный исторический урок. Его фигура напоминает, как даже просвещенный ум может стать орудием мракобесия, когда вера в догмы преобладает над разумом и человечностью. В конечном счете, Коттон Мэзер остался в истории не как ученый или теолог, а как символ той опасной грани, где религиозный фанатизм начинает подавлять базовые принципы справедливости.

Примеры контрольных эссе по сочинениям Коттона Мэзера

Согласно Коттону Мэзеру, какова главная награда за совершение добра?

Автор сосредотачивается на вознаграждениях для тех, кто творит добро в обществе. Согласно автору, только Бог вознаграждает добродетельных. Однако автор категорично заявляет, что совершение добра – это трудная задача, поскольку оно требует самопожертвования, самоотречения и приоритета интересов других. Наивысшая награда для праведника – обретение чести перед очами Бога, поэтому Бог ожидает от людей внимания к другим и постоянного следования праведному пути.

Как херувимы символизируют успех Мэзера в писательской карьере?

Автор верит в ангелов и доверяет им как посланникам Бога. Согласно Мэзеру, он внимал ангелам, и они уверили его в успехе его карьеры. Таким образом, Мэзер был мотивирован писать, потому что ангелы сказали ему, что его литературные работы будут широко читаемы и приняты в Европе и других частях мира. Следовательно, Мэзер приписывает свой успех в писательской карьере ангелам.

Каковы причины добра и зла в эссе Коттона Мэзера?

Автор исследует причины, по которым люди совершают добрые и злые поступки. Согласно его выводам, добро творят из страха наказания.

Мэзер подчеркивает, что нельзя автоматически считать человека праведником только потому, что он совершает добрые дела, – многие просто следуют правилам, чтобы избежать кары.

Что касается зла, то его приверженцы действуют расчетливо, стараясь избежать ответственности. Таким образом, и добро, и зло в интерпретации Мэзера сводятся к тактике уклонения от наказания – будь то земная кара или Божья воля.

Мэзер рисует довольно мрачную картину мотивации, где даже благие поступки не всегда свидетельствуют о подлинной добродетели, а зло часто оказывается продуманной стратегией. Это отражает пуританскую картину мира, согласно которой человеческая природа глубоко испорчена грехом.

Вопросы и задания

1 В эссе «Обращение негров в христианство» Мэзер утверждает, что крещение делает рабов лучшими слугами. Объясните, как в этом тезисе проявляется противоречие между пуританской этикой и ранними идеями Просвещения. Приведите цитату для обоснования.

2 Сравните образы Израиля и Апокалипсиса в эссе Мэзера. Как эти ветхозаветные аллюзии помогают автору осмыслить миссию Новой Англии?

3 Используя описание «Бонифация», дайте определение практической филантропии в понимании Мэзера. Почему Бенджамин Франклин назвал эту книгу наиболее повлиявшей на его юность?

4 В чем заключается трагический парадокс личности Коттона Мэзера (ученый, отрицающий научный метод; богослов, оправдывающий насилие)? Подтвердите свой ответ примерами из его биографии.

5 Интерпретируйте высказывание Мэзера: «That there is a Devil, is a thing doubted by none but such as are under the influences of the Devil». Как эта фраза иллюстрирует логическую уязвимость его аргументации о ведьмах?

6 Сравните образы Марты Кэрриер (жертва салемских процессов) и сэра Исаака Ньютона (обсуждается в «Трактате о кометах»). Как

Мэзер относится к этим фигурам, и что это говорит о широте его интересов?

7 Представьте, что вы пишете эссе в стиле Коттона Мэзера на тему «О пользе чтения художественной литературы». Придумайте характерный для него длинный, назидательный заголовок и два аргумента (религиозный и практический).

8 Мэзер, несмотря на консерватизм, поддерживал медицинские инновации (вакцинацию). Почему это вызывало гнев общества?

9 Объясните, как Мэзер пытался примирить веру и науку. Почему его фигура остается неоднозначной для историков?

Чарльз Брокден Браун (Brown, 1771–1810)

Чарльз Брокден Браун был одним из самых выдающихся ранних американских писателей и литераторов; его часто называют первым профессиональным романистом США и важнейшим автором романов до Джеймса Фенимора Купера (Cooper, 1789–1851). Творчество Брауна развивалось в интеллектуальной традиции, которую позже использовали Вашингтон Ирвинг, Натаниэль Готорн и Эдгар Аллан По (Poe, 1809–1849). Его работы оказали значительное влияние не только на них, но и на таких авторов, как Перси и Мэри Шелли, Джон Китс (Keats, 1795–1821) и Уильям Хэзлитт (Hazlitt, 1778–1830).

Браун часто писал о насущных проблемах своей эпохи: религии, правах женщин, локковских теориях познания и восприятия, а также политических конфликтах. Большая часть его произведений относится к готической традиции – с элементами сверхъестественного, романтическими героями, а также акцентами на безумии и возвышенном.

Браун родился 17 января 1771 года в Филадельфии, Пенсильвания. Его родителями были Элайджа Браун, зажиточный купец-квакер, и Мэри Армитт Браун. Элайджа отправил сына в квакерскую школу Friends' Public Latin School в Филадельфии, а после ее окончания Браун 6 лет проработал клерком в юридической конторе Александра Уилкокса (Wilcocks, 1741–1801), как того хотели родители.

Однако право его не привлекало, и в период 1796–1800 годов Браун жил то в Нью-Йорке, то в Филадельфии. Будучи членом литературно-интеллектуального кружка «The Friendly Club», который занимался вопросами социальных реформ и находился под влиянием британских философов Уильяма Годвина (Godwin, 1756–1836) и Мэри Уолстонкрафт (Wollstonecraft, 1759–1797), он общался с единомышленниками.

В этот плодотворный период Браун опубликовал 4 романа. В 1799–1800 годах он основал и редактировал «The Monthly Magazine and American Review». После того как один из его друзей погиб во время эпидемии желтой лихорадки в Нью-Йорке, творчество Брауна изменилось, обратившись к темам морального выбора перед лицом чумы и смерти.

В 1800 году он вернулся в Филадельфию, но продолжал писать. Поскольку литература не приносила стабильного дохода, Браун начал

работать в торговой фирме своего брата. В 1803 году он основал еще один журнал – «The Literary Magazine and American Register».

В этот же период Браун женился на Элизабет Линн, и за 5 лет у них родилось четверо детей. За брак вне квакерской общины его исключили из числа членов Религиозного общества друзей.

Наследие Брауна включает:

- 7 основных романов (1798–1801);
- памфлет о правах женщин «Алкуин: Диалог» (1798);
- множество рассказов.

Среди его романов: «Виланд», «Ормонд» (1799), «Эдгар Хантли» (1799), «Артур Мервин» (1800), «Стивен Калверт» (1799–1800), «Клара Говард» (1801) и «Джейн Талбот» (1801). Рукопись первого романа Брауна «Скай-Уок; или, Человек, не ведающий себя» (1798) была найдена, но так и не опубликована.

В политических трудах Браун поддерживал приобретение Луизианы и критиковал Эмбарго-акт Джефферсона 1807 года. Он также писал о наполеоновских войнах в «The American Register and General Repository of History, Politics, and Science» и создал «Исторические очерки» – серию художественных произведений о конце революционной эпохи, изданных посмертно.

В последние годы жизни он редактировал журналы в относительной безвестности. 10 февраля 1810 года, в возрасте 39 лет, Чарльз Брокден Браун умер от туберкулеза.

«Виланд»

(Wieland, or the Transformation, 1798)

Чарльз Брокден Браун опубликовал «Виланда» в 1798 году, когда ему было 27 лет.

«Виланд» – самое знаменитое произведение Брауна. Этот роман утвердил его как первого профессионального романиста Америки и положил начало американской готической прозе.

«Виланд» находился под влиянием тем и атмосферы английских готических романов Анны Радклифф (Radcliffe, 1764–1823), Горация Уолпола (Walpole, 1717–1797) и Уильяма Годвина. Особенно близок

Брауну был Годвин, чьи морально-философские и политические труды оказали на него значительное воздействие.

В основу романа легла реальная история Джеймса Йейтса, который в 1781 году убил свою семью, повинувшись галлюцинации: ему якобы явились 2 ангела, убедившие его, что такова была воля Божья.

«Виланд» пользовался успехом у публики, но современные критики встретили его насмешками, обвиняя в надуманности и неубедительности сюжета. Особое недовольство вызвали такие элементы, как вентрология и самовозгорание, которые были восприняты как дешевые трюки.

Однако в литературных кругах XIX века роман стал культовым. Его читали и высоко ценили Перси и Мэри Шелли, Натаниэль Готорн, Эдгар Аллан По, Уильям Хэзлитт и Джон Китс.

Сам Браун гордился своими романами. В феврале 1799 года он писал брату: *“I find to be the writer of Wieland and Ormond is a greater recommendation than I ever imagined it would be”* [5, 209].

В конце XIX – начале XX века роман «Виланд» находился в забвении, утратив как популярность, так и внимание критиков. Однако в 1960–70-х годах произведение пережило возрождение академического интереса, который не ослабевает и по сей день.

Сегодня Чарльза Брокдена Брауна признают не только одним из ключевых основателей американской литературы, но и глубоким аналитиком социально-политических проблем своего времени. Его работы ценят за осмысление событий эпохи, напряженности в послереволюционной Америке, роли религии, ограниченности просвещенческого мышления и локковской философии чувственного восприятия.

Критики также подчеркивают, что Браун опередил свое время скрупулезным анализом механизмов сознания и мотивации, чем привлек внимание психоаналитиков, а обращение к процессам репрезентации, семиотике, нарратологии и иллюзорности восприятия сделало его тексты ценными для постструктуралистов.

Таким образом, из маргинального готического автора Браун превратился в знаковую фигуру, чьи тексты остаются актуальными для современных гуманитарных исследований.

Краткое содержание романа

«Виланд» – это американский готический роман, действие которого происходит в период между Франко-индейской войной (1754–1763) и Войной за независимость (1775–1783). Он написан в форме повествования от первого лица и состоит из двух писем Клары Виланд.

В первом письме Клара начинает свой рассказ, предупреждая читателей, что ее история повествует об ужасах, постигших ее семью, и она надеется, что ее изложение послужит нравоучительным уроком. Ее отец был человеком глубоко религиозным, чьи кальвинистские убеждения преломлялись через призму апокалиптической французской протестантской секты – камизаров. По характеру он был склонен к серьезности, меланхолии и религиозному экстазу. Уверовав в свое миссионерское призвание, он переехал из Саксонии на окраину Филадельфии, чтобы обращать индейцев в свою веру; вскоре он женился и стал отцом двоих детей – Клары и Теодора (в романе его позже называют Виландом). Однажды вечером, когда дети были еще маленькими, он погиб при загадочных обстоятельствах в храме, построенном им для поклонения Богу на берегу реки. Странное облако, яркая вспышка и оглушительный грохот предвещали его смерть. Клара и ее брат так и не узнали, что на самом деле произошло с их отцом, но сама Клара склонялась к мысли, что причиной стало либо самовозгорание, либо вмешательство божественной, сверхъестественной силы.

Основные события романа разворачиваются много лет спустя. Мать Виланда и Клары умерла вскоре после отца, и дети унаследовали его поместье. Клара поселилась в небольшом доме на окраине владений семьи Виланд. Сам Виланд женился на Катарине Плейель, ближайшей подруге Клары, и у них родилось четверо детей. Их круг окончательно сформировался, когда брат Катарины Генри (известный в романе как Плейель) вернулся после долгих лет за границей, чтобы поселиться в Америке.

Клара получила светское образование и, хотя не была безбожницей, скорее искала фундаментальные истины в природе. Ее брат, напротив, унаследовал от отца замкнутый и меланхоличный нрав, а также глубокую набожность, хотя и смягченную изучением наук и литературы.

Семья Виландов и Плейелей жила в тесном, почти замкнутом кругу, полном счастья и безмятежности. Первым тревожным знаком,

предвещавшим нечто необъяснимое, стал случай, когда Виланд однажды вечером вернулся в храм за забытым письмом. По дороге назад ему показалось, что он слышит голос жены, хотя, как выяснилось, она не выходила из дома. Виланд был склонен видеть в этом сверхъестественное, но Плейель убедил его, что это всего лишь игра воображения.

Спустя некоторое время и Плейель, и Виланд вновь услышали голос Катарини, а затем еще один голос, сообщивший о смерти возлюбленной Плейеля, жившей в Европе. Вскоре и сама Клара начала слышать голоса: сначала двух мужчин в гардеробной, замышлявших ее убийство, а потом еще один, предостерегавший от посещения летнего домика – уединенного места, где она любила отдыхать.

В это время в кругу Виландов появился новый человек – Фрэнсис Карвин, умный и воспитанный, при этом загадочный мужчина, недавно вернувшийся из путешествия по Испании. Клару особенно завораживали его голос и облик. Карвин стал частым гостем в доме Виланда, хотя ни Клара, ни ее близкие так и не смогли понять, был ли он добрым или зловещим человеком.

Однажды вечером Клара вернулась из дома брата, где они с Виландом и Катарини ожидали приезда Плейеля. Однако тот так и не появился, и Клару охватили тоска и тревога. Незадолго до этого она осознала, что влюблена в Плейеля, и надеялась в тот вечер открыть ему свои чувства. Оставшись одна в своей комнате, погруженная в мрачные раздумья, она вдруг ощутила чье-то присутствие в гардеробной. К ее изумлению, некий голос предостерег ее не открывать дверь, но, не вняв предупреждению, она распахнула ее – и обнаружила внутри Карвина.

Он признался, что «божественный голос» уберег ее от его порочных намерений, а затем поспешно скрылся.

На следующий день Клару ждал жестокий удар: вернувшийся Плейель обвинил ее в том, что она влюблена в Карвина и отдала ему свою невинность. В доказательство он привел два обстоятельства: якобы видел, как Клара писала в дневнике о Карвине, а также слышал ее голос в лесу возле дома, где она с Карвином обсуждала свои «бесстыдные и порочные деяния». Разбитая ложными обвинениями, Клара тщетно пыталась оправдаться – Плейель стоял на своем, утверждая, что его чувства не могли его обмануть.

К тому же, во время поездки в город Плейель узнал, что Карвин разыскивается за границей за убийство и грабеж. Он отказался слушать объяснения Клары и заявил, что собирается в долгое путешествие.

Погруженная в глубокую тоску, Клара была потрясена, получив в тот же день письмо от Карвина. Он просил ее встретиться в ее доме в 11 часов вечера, чтобы загладить свою вину за прошлую ночь. Подумав, благоразумно ли соглашаться, она все же решила выслушать его.

Когда в назначенный час Клара подошла к дому, ее удивил свет в ее спальне. Поднимаясь по лестнице, она услышала пронзительный голос, предостерегающий ее, и увидела в коридоре странное, пугающее лицо. Добравшись до своей комнаты, она обнаружила на кровати бездыханное тело Катарины. Карвина там не было, но он оставил записку: он недоумевал, почему она не пришла, и предупреждал, что ей предстоит увидеть ужасное зрелище.

Вдруг появился ее брат – растерянный и обезумевший, но он бросился прочь, когда в дом ворвались соседи и горожане. Кларе сообщили, что Виланд убил и четверых детей Катарины, и их воспитанницу Луизу Конвэй. Это известие потрясло ее настолько, что она потеряла сознание и впала в болезненное состояние.

Когда здоровье Клары восстановилось, к ней приехал ее дядя по материнской линии – Томас Кембридж, прибывший из Ирландии. Он передал ей письменный отчет о суде над убийцей – которым оказался сам Виланд! В своих показаниях тот утверждал, что совершил убийства, будучи абсолютно убежденным, что получил прямое повеление от Бога как испытание веры.

Клару охватил ужас, особенно потому, что она подозревала участие Карвина в этих преступлениях. По просьбе дяди она согласилась покинуть Америку и отправиться с ним в путешествие по Европе. Когда же она попросила разрешения навестить брата (который избежал казни и получил пожизненное заключение ввиду невменяемости), дядя предупредил ее: Виланд пытался сбежать, чтобы убить и ее, считая это Божьей волей.

Перед отъездом в Европу Клара вернулась в свой дом, чтобы забрать оставленный там дневник. К ее изумлению, в комнате внезапно появился Карвин и признался, что именно он стоял за большинством голосов, которые слышали она и ее семья – хотя напрямую не взял на себя те голоса, что подтолкнули Виланда к убийству.

Оказалось, он обладал даром биллоквизма: мог имитировать чужие голоса и проецировать их на расстоянии. Карвин сознался, что в прошлом использовал этот дар ради корысти и развлечений, но теперь глубоко сожалел о трагедии, постигшей семью Виландов. Он также отрицал обвинения в убийствах и грабежах, утверждая, что был оклеветан врагами.

Однако Клара нашла его признание неубедительным. Все еще считая его виновным в гибели семьи, она отвергла его оправдания.

В момент, когда Карвин закончил свое признание, внезапно появился Виланд, сбежавший из тюрьмы. В исступлении он попытался убить Клару, но Карвин, выбежавший из комнаты, использовал свой дар, чтобы остановить его. Когда Виланд услышал голос, говорящий, что он убил свою семью по ошибке, его охватила невыносимая мука – он вонзил себе нож в горло, совершив смертельное ранение.

После этой трагедии Клара погрузилась в безумие и едва могла продолжать существовать. Это оцепенение рассеялось лишь когда ее дом, в котором она отказывалась жить дальше и желала умереть, охватил пожар и полностью сгорел. Это потрясение вернуло ей рассудок, и она наконец согласилась сопровождать дядю в Европу, как они и планировали ранее.

Заключительная глава романа представляет собой 2-е письмо Клары, написанное спустя 3 года после смерти Виланда. В нем она рассказывает, как в конце концов вышла замуж за Плейеля, который узнал, что ее невинность осталась неприкосновенной. О Карвине больше никто не слышал, и Клара предположила, что он скрывается на какой-нибудь ферме, укрываясь от своих врагов.

Урок, который она хотела преподать читателям, заключался в том, что трагедии, постигшей их семью, возможно, удалось бы избежать, если бы ее брат сформировал более верные представления о нравственном долге и божественных атрибутах или если бы она сама обладала обычной душевной стойкостью и предусмотрительностью.

Краткая характеристика персонажей «Виланда»

Клара Виланд

Рассказчица истории, Клара – сестра Теодора Виланда. Получив светское образование, она не отличается особой религиозностью, но постоянно колеблется между рациональными и сверхъестественными

объяснениями странных событий, постигших ее семью. Несмотря на свои утверждения об обратном, она склонна к навязчивым идеям, крайностям в эмоциях и иррациональности. Часто воспринимается как ненадежный нарратор.

Теодор Виланд

Брат Клары, муж Катарины и отец четверых детей, Виланд унаследовал имущество отца и занялся сельским хозяйством. Как и его отец, он меланхоличен, сдержан и склонен к религиозному фанатизму. Однако свою набожность Виланд уравнивает изучением наук, литературы и особенно любимого им Цицерона. Теодор страстно жаждет близкого общения с Богом и мечтает стать орудием Его воли.

Фрэнсис Карвин

Загадочный, умный и обаятельный, Карвин становится частым гостем в доме Виландов. Будучи англичанином по происхождению, он долгое время путешествовал по Испании: выучил язык, изучил обычаи и традиции этой страны и даже перешел в католицизм. Его изысканные манеры и острый ум контрастируют с простоватой одеждой, а тайны прошлого делают его фигурой одновременно притягательной и подозрительной для семейства Виландов – они так и не смогли определить, добр он или зол.

Карвин обладает редким даром чревоуказания, и именно использование этого дара приводит к роковому крушению семьи Виландов.

Старший Виланд

Отец Теодора и Клары, старший Виланд был человеком фанатичной религиозности. Его смерть остается необъясненной – она произошла при загадочных обстоятельствах, напоминающих то ли самовозгорание, то ли иное естественное явление, хотя оба его склонны видеть в этом сверхъестественное вмешательство.

На протяжении всего романа его гибель служит источником мучительных размышлений для детей, становясь зловещим символом роковой наследственности – как религиозного экстаза, так и склонности к разрушительным крайностям.

Катарина Плейель

Жена Теодора Виланда, сестра Генри и ближайшая подруга Клары. Катарина добра, кротка и очаровательна – воплощение идеала матери и жены XVIII века. Однако, как персонаж она прописана довольно поверхностно и служит скорее фоном, на котором другие герои проявляют свои чувства или совершают действия.

Генри Плейель

Брат Катарины и близкий друг семьи Виландов. Проведя молодость за границей, он вернулся, чтобы заняться фермерством под Филадельфией. Образованный и рациональный, Генри не разделяет склонности окружающих к суевериям и избегает религии.

Луиза Конвэй

Приемная воспитанница семьи Виландов, дочь майора Стюарта.

Миссис Бейнтон

Семейная приятельница, проживающая в Филадельфии. Ее дом часто посещают главные герои, хотя ее собственная роль в повествовании крайне незначительна.

Тереза, баронесса де Штольберг

Бывшая возлюбленная Плейеля, проживавшая в Европе. Он становится жертвой мистификации, услышав ложное сообщение о ее смерти. Несмотря на это, ближе к концу романа они все же заключают брак, но вскоре после свадьбы Тереза умирает при родах.

Майор Стюарт

Отец Луизы Конвэй, который находит свою давно потерянную дочь в начале романа. Стюарт был женат на матери Луизы, но однажды, во время его военной кампании, она исчезла вместе с ребенком. В прошлом майор имел соперничество с Максвеллом, адъютантом маркиза.

Максвелл

Адъютант маркиза Гранби, гедонист и интриган, заклятый соперник майора Стюарта. Чтобы отомстить Стюарту, он замышляет соблазнить его жену – коварный план, который в итоге разрушает семью майора.

Томас Кембридж

Дядя Клары и Теодора по материнской линии, хирург по профессии. Появляется уже после совершения Виландом его преступлений. Будучи человеком рациональным и здравомыслящим, он относится к Кларе с уважением, но настоятельно предостерегает ее от контактов с братом.

Мистер Халлет

Дальний родственник матери Клары и Теодора, уважаемый в городе судья. Именно он сообщает Кларе шокирующую новость о том, что ее брат убил собственных детей.

Джудит

Горничная Клары Виланд. Вступив в связь с Карвином, она предоставляет ему доступ в дом своей госпожи.

Основные темы «Виланда»

Опасности религиозного фанатизма

Оба Виланда – и отец, и сын – фанатичные последователи кальвинизма. Старший Виланд в молодости познакомился с трудами апокалиптической протестантской секты камизаров, которые исказили его восприятие религии. Его набожность была непоколебимой, но лишь усугубила природную меланхолию и чувство собственной неполноценности. Он погиб при загадочных обстоятельствах – вероятнее всего, в результате убийства или самовозгорания, – однако оба его ребенка верили в сверхъестественную природу его смерти.

Младший Виланд также отличался крайней религиозностью, хотя и смягчал ее изучением наук, литературы и политической философии. Как и отец, он был угрюм, сдержан и стоичен. Его страстное стремление к непосредственной связи с Богом в итоге заставило его подчиниться «голосу», приказавшему убить собственную семью. Он оказался

неспособен принять рациональные объяснения странных событий, преследовавших его дом.

Браун наглядно демонстрирует: подобный фанатизм ведет к иррациональности и даже смертельной опасности.

Восприятие и обман чувств

В эпоху Просвещения такие мыслители, как Джон Локк, утверждали, что чувства человека – это проводники знания, и доверять следует именно им, а не слепой религиозной вере. Однако в «Виланде» чувства оказываются столь же ненадежными, сколь и фанатичная набожность.

Плейель – ярый сторонник идеи, что чувственное восприятие безошибочно. Все услышанные им голоса он принимает за чистую монету, не подвергая сомнению. Когда он слышит за домом разговор Клары с Карвином, он абсолютно уверен, что это она, ведь «своим ушам верить можно». Клара же понимает: убедить его, что голос мог быть подделкой, почти невозможно. И действительно, Плейель ошибается – это Карвин использовал свой дар чревовещания.

Виланд же верит, что слышит голос Бога, приказывающий ему убить семью. Но на деле это порождение его безумия – разум способен исказить чувственное восприятие. Как говорит сам Виланд в главе 25: “Если я ошибался, то не разум мой был виной, а чувства”.

Таким образом, Браун показывает: ни вера, ни разум, ни даже собственные ощущения не гарантируют истины. Слишком легко обмануться – будь то чужими манипуляциями или собственным сознанием.

Страх перед чужим: инаковость как угроза

Роман «Виланд» создавался в период обостренных страхов перед иностранным влиянием – всего за год до этого в США были приняты «Акты об иностранцах и подстрекательстве», ограничивавшие права мигрантов. Послереволюционная Америка, пытаясь сохранить хрупкое единство, с подозрением относилась к культурным, политическим и религиозным различиям.

Эти тревоги находят отражение в реакции семьи Виландов и Плейелей на Карвина – человека, отвергающего любую четкую идентичность. Будучи англичанином по рождению, он сознательно

стирает свои корни: перенимает испанский язык, обычаи и даже переходит в католичество. Его прошлое окутано тайной, а простоватая одежда контрастирует с утонченными манерами. Для филадельфийского общества он – чужак, воплощение опасной «инаковости».

Клара, Виланд и Плейели испытывают к нему двойственное чувство: их одновременно притягивает и отталкивает его загадочность. Но именно эта неспособность принять «другого» в итоге приводит к трагедии: подозрительность и слепая вера в собственные предубеждения делают Карвина удобным козлом отпущения.

Письмо и нарратив: сила слова в романе

Письмо (и восприятие написанного) становится ключевым элементом романа. Вся история представлена как двухчастное повествование, изложенное Klarой Виланд. Однако ее текст – это не монолог, а скорее мозаика из чужих голосов: пространные исповеди Плейеля (его обвинения в ее «нечистоте»), признания Карвина, показания самого Виланда. Почти каждый персонаж получает возможность высказаться – и почти каждый оказывается заложником чужих слов.

Для Клары письмо – не просто инструмент, а часть ее существа. Она уверена, что умрет, как только закончит свою историю. Ее субъективное восприятие задает ритм повествования: отрывистый, нервный стиль создает ощущение нарастающего ужаса.

Но настоящим «автором» трагедии становится Карвин. Его дар чревовещания – метафора писательского всевластия. Он, как кукловод, манипулирует «персонажами» (Виландом, Klarой, Плейелем), заставляя их играть роли в своем мрачном сценарии. Его голос неотразим – он буквально играет в Бога, переписывая судьбы других.

Безумие как родовое проклятие

Семейная история Виландов представляет собой череду трагических превращений, где безумие передается из поколения в поколение. Все начинается с деда по материнской линии, который, повинувшись голосам в своей голове, пытался сброситься со скалы. Этот случай становится первой вехой в череде психических расстройств, проявляющихся через слуховые галлюцинации.

Отец Клары и Теодора продолжил эту зловещую традицию, погрузившись в фанатичное изучение трудов маргинальной протестантской секты. Его болезненная одержимость привела к мистической гибели – спонтанному возгоранию – и оставила детям двойное наследство: материальное состояние и хрупкую психику.

Теодор, внешне сохраняющий облик благочестивого семьянина, воспроизводит путь отца через религиозный фанатизм. Он совершает чудовищные убийства, либо подчиняясь манипуляциям Карвина, либо собственным психотическим видениям. Клара, считавшая себя воплощением рациональности, демонстрирует все классические симптомы истерии XVIII века: суицидальные мысли, неспособность отличить сны от реальности, склонность к мистическим объяснениям происходящего. После самоубийства брата ее рассудок окончательно помрачается.

Персонажи наивно полагают, что смогут избежать семейной участи, но судьба неумолима. Они повторяют сценарии предков, не в силах противостоять врожденной склонности к безумию. Их «просвещенность» оказывается тонкой оболочкой, под которой бурлит пропасть наследственного помешательства.

Роман Брауна мастерски отражает представления XVIII века о психических заболеваниях как о мистическом проклятии, а не медицинском состоянии. Трагедия Виландов показывает невозможность убежать от своей природы, даже обладая образованием и благоприятными условиями жизни. История семьи становится предостережением о хрупкости человеческого разума перед лицом наследственности и внешних влияний.

Закон и его несостоятельность

Будучи юристом по образованию, Браун насыщает текст правовыми мотивами и языком судопроизводства. Клара строит свое повествование как судебное свидетельство: она собирает доказательства, привлекает других свидетелей и пытается вынести вердикт. Однако в этом последнем пункте она терпит неудачу – окончательное решение о виновности или невинности Карвина остается за читателями, которые должны самостоятельно анализировать загадочные события.

Явные отсылки к юридической системе проявляются во время суда над Виландом. Процесс демонстрирует несовершенство закона:

- Виланда, несмотря на чудовищные преступления, не удается удержать в тюрьме – он совершает самоубийство, избегая кары.

- Карвин, явно виновный как минимум в манипуляциях и провокациях, вообще не предстает перед судом и остается на свободе без всяких последствий.

Таким образом, Браун подчеркивает хрупкость правовых механизмов перед лицом человеческого безумия, обмана и неочевидности истины. Закон оказывается бессилем там, где размываются границы между реальностью и безумием, а вина не поддается однозначной оценке. Роман ставит под сомнение саму возможность объективного правосудия в мире, где свидетельства ненадежны, а мотивы необъяснимы.

Готика в «Виланде»

Роман Брауна стал первым образцом американской готики, вдохновленной британскими авторами вроде Анны Радклифф, Мэтью Льюиса (Lewis, 1775-1818) и Горация Уолпола. Однако он не просто копирует каноны, а трансформирует их, добавляя уникальные элементы:

Классические готические тропы в романе:

- Зловещая локация: уединенное поместье Виландов, отрезанное от города, становится инкубатором страхов и безумия.

- Религиозный фанатизм (вместо призраков – «голос Бога»).

- Подавленная сексуальность: намеки на связь Карвина с Джудит, невысказанные чувства Клары к Плейелю.

- Телесный ужас: таинственная смерть старшего Виланда (самовозгорание?), убийства детей.

Новаторство Брауна:

- 1 Чревоуещание как замена сверхъестественному – голоса не призраков, а живого манипулятора.

- 2 Кризис рациональности: персонажи разрываются между просвещенным мышлением и суеверием (Виланд изучает Цицерона, но верит «божественным» приказам).

- 3 Социальная изоляция как катализатор трагедии – отсутствие внешнего контроля позволяет безумию разрастись.

Почему это революционно для США?

- Отказ от европейских замков: ужас перенесен в сельскую Пенсильванию.
- Религия вместо аристократии: фанатизм – новый тип «проклятия рода».
- Реализм иррационального: Карвин страшнее призрака, ведь он реален.

Гендерные роли в «Виланде»: противоречивая женственность

В романе Брауна Клара Виланд и Катарина Плейель воплощают два архетипа женщины XVIII века, подчеркивая хрупкость «разрешенной» женственности и стоицизм тех, кто выходит за ее рамки.

Катарина: идеал патриархальной эпохи

- Образец «добродетели»: ее ценят за мягкость, материнство и покорность.
- Объект защиты: после нападения Карвина Клара скрывает от нее правду, считая ее слишком хрупкой.
- Функция, а не характер: Катарина почти лишена голоса – она существует как символ, а не как личность.

Клара: просвещенная женщина в тисках традиций

1 Интеллект vs. предрассудки:

- Получила светское образование, стремится анализировать события рационально.
- Управляет хозяйством наравне с мужчинами, но ее авторитет всегда условен.

2 Патриархальное насилие:

- Карвин пытается ее изнасиловать (или она так интерпретирует его действия).
- Плейель публично клеймит ее как «падшую» без доказательств.
- Виланд, несмотря на свое безумие, остается для нее фигурой власти.

3 Внутреннее подчинение:

- После обвинений Плейеля ищет одобрения брата – даже зная его неадекватность.
- Живет на окраине семейных владений, добровольно уступая центр.
- В финале выходит замуж за Плейеля, который ценит ее лишь как «превосходящую других женщин» – сводя ее сложность к удобной роли.

Автор показывает, что даже самая независимая женщина обречена на компромиссы в обществе, где:

- Мужчины присваивают право интерпретировать ее действия (Плейель «знает», что она «развратна»).
- Разум бессилён перед физической угрозой (Карвин) или социальным давлением (брак как единственный выход).

Цитаты и анализ

Was this the penalty of disobedience? This the stroke of a vindictive and invisible hand? Is it a fresh proof that the Divine Ruler interferes in human affairs, meditates an end, selects, and commissions his agents, and enforces, by unequivocal sanctions, submission to his will? Or, was it merely the irregular expansion of the fluid that imparts warmth to our heart and our blood, caused by the fatigue of the preceding day, or flowing, by established laws, from the condition of his thoughts? [3, 21–22]

Clara Wieland

Размышления Клары о смерти отца раскрывают ключевую роль этого события в романе. Прежде всего, оно задает мрачную атмосферу произведения, вводя элемент насильственной и необъяснимой гибели, которая предвосхищает будущие ужасы, обрушившиеся на семью Виландов.

Характер старшего Виланда словно возрождается в его сыне – оба мужчины обладают мрачным, замкнутым нравом и фанатичной религиозностью. Примечательно, что Клара не может окончательно принять ни версию о человеческом убийце, ни научное объяснение о самовозгорании. Она допускает мысль о божественном вмешательстве как каре за нарушение высших законов.

Эти метания между сверхъестественными и рациональными объяснениями становятся лейтмотивом всего повествования, обнажая суеверную природу Клары, несмотря на все ее заявления о приверженности разуму. Постоянная неспособность выбрать однозначную трактовку событий демонстрирует глубинный конфликт между просвещенческим мировоззрением и архаичными страхами, характерный для эпохи.

Таким образом, смерть отца становится не просто сюжетной предпосылкой, а символическим ядром романа, в котором пересекаются

основные темы: наследственное безумие, религиозный фанатизм и хрупкость рационального сознания перед лицом необъяснимого.

Pleyel did not scruple to regard the whole as a deception of the senses. Perhaps a voice had been heard; but Wieland's imagination had misled him in supposing a resemblance to that of his wife, and giving such a signification to the sounds. According to his custom he spoke what he thought. Sometimes, he made it the theme of grave discussion, but more frequently treated it with ridicule. He did not believe that sober reasoning would convince his friend, and gaiety, he thought, was useful to take away the solemnities which, in a mind like Wieland's, an accident of this kind was calculated to produce. [Idem, 38]

Clara Wieland

Плейель и Виланд действительно имеют общие черты, в частности их увлечение трудами Цицерона. Однако если Виланд, несмотря на интерес к науке и литературе, остается глубоко религиозным человеком (что становится неотъемлемой частью его личности), то Плейель позиционирует себя как скептика. Его мировоззрение, основанное на локковских принципах, опирается на чувственный опыт и изучение природы.

Это различие в мировоззрении проявляется в их реакции на таинственные голоса:

- Плейель отвергает сверхъестественные объяснения, полагаясь на рациональные доводы;
- Виланд, напротив, склонен принимать мистические трактовки, что усугубляется его религиозностью, постоянными сомнениями в себе и склонностью к меланхолии.

Таким образом, даже общие интеллектуальные интересы не могут нивелировать глубинные различия в их характерах: трезвый эмпиризм Плейеля контрастирует с экзальтированной набожностью Виланда, что в конечном итоге предопределяет их судьбы.

The tales of apparitions and enchantments did not possess that power over my belief which could even render them interesting. I saw nothing in them but ignorance and folly, and was a stranger even to that terror which is pleasing. But this incident was different from any that I had ever before known. Here were proofs of a sensible and intelligent existence, which could not be

denied. Here was information obtained and imparted by means unquestionably super-human. [Idem, 51]

Clara Wieland

Плейель сообщает Кларе о голосе, который сообщил ему о смерти его возлюбленной, и ее реакцией становится уверенность в том, что это однозначно сверхъестественное явление. Сначала она заявляет, что не верит в привидения и колдовство и даже не находит их интересными. В отличие от других глупых людей, которые, возможно, получают удовольствие от страха перед призраками и необъяснимыми событиями, Клара слишком рациональна и зрела, чтобы испытывать в этом какое-либо удовольствие. Однако, несмотря на эти заявления, она быстро приходит к выводу, что у голоса не может быть иного объяснения, кроме как сверхъестественного. Она даже не допускает мысли, что голос мог быть результатом человеческих козней или что Плейель и Виланд могли ошибиться в своих ощущениях.

Эта цитата демонстрирует разрыв между тем, кем Клара себя считает, и тем, кем она является на самом деле. Несмотря на светское образование, Клара так же склонна верить в потустороннее, как ее брат Виланд – к крайней религиозности. По мере развития романа ее метания между рационализмом и суеверием перерастают в почти истерическое состояние.

This, in the effects which immediately flowed from it, I count among the most extraordinary incidents of my life. This face, seen for a moment, continued for hours to occupy my fancy, to the exclusion of almost every other image. [Idem, 61]

Clara Wieland

Клара испытывает сильные слуховые и зрительные реакции на голос и облик Карвина. Впервые услышав, как он просит у ее служанки стакан воды, она едва сдерживает волнение от его сладостных интонаций, сочетающих «силу и нежность», когда же она наконец видит его лицо, ей с трудом удается сохранить самообладание. Ее поражают его лоб и глаза, непривлекательные, но чувственные черты и облик, выдающий ум великого гения, и реакция на него настолько сильна, что девушка спешно рисует его портрет и проводит остаток вечера и весь следующий день, размышляя над его изображением. Описание Карвина передает смесь очарования и отвращения к нему – это несомненный признак пробуждающегося влечения. Плейель, в которого Клара влюблена, не

удостаивается даже описания его внешности, тогда как Карвин, к которому героиня романа, по ее словам, испытывает отвращение, вызывает у нее настолько сильную реакцию, что ее навязчивая фиксация на нем символически проявляется в буре, бушующей за стенами ее дома.

In my dream, he that tempted me to my destruction, was my brother. Death was ambushed in my path. From what evil was I now rescued? What minister or implement of ill was shut up in this recess? Who was it whose suffocating grasp I was to feel, should I dare to enter it? What monstrous conception is this? My brother! [Idem, 98–99]

Clara Wieland

Отдыхая на природе возле летнего домика, Клара видит сон: она идет по тропинке к брату, который манит ее, не подозревая, что он намеренно ведет к зияющей пропасти, незаметной на пути. Спустя несколько ночей, когда разум охвачен смятением из-за исчезновения Плейеля, девушка начинает размышлять над смыслом этого сна – будто брат испытывает извращенное желание привести к гибели. Эти мысли терзают Клару до тех пор, пока она окончательно не убеждает себя, что брат прячется в ее гардеробной и замышляет недоброе.

У Клары нет реальных оснований подозревать брата в злом умысле. Ее подсознательный дискомфорт и страх проявляются в кошмаре, где брат желает ей зла. Этот сон также становится предзнаменованием будущих преступлений Виланда – убийства жены и детей, а после заключения – попытки убить Плейеля и саму Клару.

The gulf that separates man from insects is not wider than that which severs the polluted from the chaste among women. [Idem, 129]

Clara Wieland

Попытка Карвина изнасиловать Клару не увенчалась успехом благодаря голосу, который, как она верит, защитил ее. Однако Плейель убежден, что Карвин лишил Клару девственности, основываясь на ряде чувственных доказательств. Для женщины XVIII века подобное обвинение было настолько губительным, что единственным выходом оставалось изгнание. Клара знает о своей невинности, но в отчаянии от того, как убедить Плейеля, что его выводы ошибочны.

В этой цитате она тонко подмечает, насколько неприемлемой считалась сексуальная «нечистота» женщины в Америке XVIII века. От женщин ожидали воплощения таких добродетелей, как целомудрие, щедрость, милосердие и домовитость. «Республиканская мать», подобная Катарине, должна была прививать детям религиозные и гражданские ценности, сохраняя дом как место уединения и воспитания. Гендерные нормы были жесткими и непреодолимыми: хоть Клара и обладала большей образованностью и свободой, чем многие женщины колониальной эпохи, она все равно оставалась скованной моральными устоями своего общества – даже будучи невиновной в предъявленных ей обвинениях.

Yet I will persist to the end. My narrative may be invaded by inaccuracy and confusion; but if I live no longer, I will, at least, live to complete it. What but ambiguities, abruptnesses, and dark transitions, can be expected from the historian who is, at the same time, the sufferer of these disasters? [Idem, 166]
Clara Wieland

Клара – хрестоматийный пример ненадежного рассказчика. Большинство повествований от первого лица сами по себе вызывают сомнения, ведь даже самому пронизательному и объективному человеку сложно достоверно передать факты и впечатления. Однако рассказ Клары проблематичен в совершенно иной степени.

Во-первых, безумие – семейная черта, что подтверждается примерами ее деда, отца и брата. Во-вторых, она пережила крайнее психологическое потрясение из-за трагических событий в семье, что, как отмечается в цитате, могло привести к неточностям или искажениям в ее воспоминаниях. В-третьих, она глубоко заблуждается насчет собственного характера: называя себя рациональной и здравомыслящей, она действует вопреки этим утверждениям.

Ее личность отмечена истеричностью, одержимостью и сексуальной подавленностью. Она склонна верить в мир добрых и злых сверхъестественных сил, путает сны с явью, впадает в безумие, теряя способность ясно мыслить, и неоднократно обдумывает самоубийство.

Что делает роман столь захватывающим, так это необходимость постоянной читательской бдительности: мы вынуждены скептически

оценивать каждое ее слово, различая, где заканчивается реальность и начинаются иллюзии.

As it spoke, the accents thrilled to my heart. "Thy prayers are heard. In proof of thy faith, render me thy wife. This is the victim I chuse. Call her hither, and here let her fall." – The sound, and visage, and light vanished at once. [Idem, 188–189]

Theodore Wieland

Кульминация романа наступает, когда Клара узнает, что ее брат – убийца собственной жены и детей. Читая стенограмму его показаний, она понимает: Виланд искренне верил, что слышал голос Бога, повелевающего ему принести семью в жертву ради доказательства своей веры. Он абсолютно убежден в божественном происхождении этого голоса и считает, что люди не вправе судить его действия – ведь он лишь исполнял высшую волю.

Звук и свет в этой сцене зеркально повторяют обстоятельства смерти старшего Виланда (их отца). Оба случая демонстрируют, как чувственное восприятие – будь то слух или зрение – оказывается ненадежным проводником к истине. Виланды (и отец, и сын) становятся жертвами роковой интерпретации: их органы чувств улавливают явления, но разум, искаженный фанатичной верой, превращает эти сигналы в фатальные заблуждения.

Таким образом, роман ставит под сомнение саму возможность доверять человеческому восприятию: даже такие очевидные физические явления, как свет и звук, могут быть неверно истолкованы с катастрофическими последствиями.

Presently, I considered, that whether Wieland was a maniac, a faithful servant of his God, the victim of hellish illusions, or the dupe of human imposture, was by no means certain. [Idem, 211]

Clara Wieland

В редкий момент ясности Клара размышляет о том, что ни она, ни кто-либо другой так и не узнает истинной причины, по которой Виланд убил свою семью. Действительно ли он слышал голос Бога? Быть может, он безумен, и голоса были плодом его воображения? Или Карвин довел его до помешательства, имитируя божественный глас? В этом и

заключается ключевая мысль Чарльза Брокдена Брауна: чувствам нельзя полностью доверять, а религиозный фанатизм следует осуждать, поскольку он порождает опасную умственную неустойчивость.

Клара начинает и завершает свое повествование надеждой, что ее история послужит нравоучительным уроком. Очевидно, что зло, постигшее семейство Виландов, «обязано своим существованием заблуждениям самих пострадавших». Роман становится предостережением: слепая вера в сверхъестественное и неспособность критически оценивать собственное восприятие ведут к трагедии. Даже «божественные» откровения требуют рациональной проверки – иначе человек рискует превратиться в орудие собственных иллюзий.

I am not this villain; I have slain no one; I have prompted none to slay; I have handled a tool of wonderful efficacy without malignant intentions, but without caution; ample will be the punishment of my temerity, if my conduct has contributed to this evil. [Idem, 223]

Carwin

Признание Карвина – это сплошное противоречие. Он так и не заявляет прямо, что создавал голоса, приказавшие Виланду убить свою семью. Однако он демонстрирует глубочайшее чувство вины и признается, что использовал свой дар биллоквизма (умения имитировать голоса) для подделки голосов, которые слышали Виланд, Плейель и Клара до момента убийств.

Он объясняет Кларе, что в прошлом использовал этот дар ради личной выгоды и извращенного удовольствия, а все попытки отказаться от него проваливались – искушение было слишком велико. Карвин, несомненно, обладает порочным, почти демоническим складом ума, сочетающимся с выдающимся интеллектом и проницательностью.

Критики расходятся во мнениях о степени его виновности. Одни аргументы оправдывают его, другие – обвиняют. Хотя некоторые читатели сетуют на отсутствие ясного и однозначного объяснения загадочных событий романа, намеренная двусмысленность Брауна не только провоцирует дискуссии, но и поднимает произведение на более высокий литературный уровень.

Отсутствие простых ответов отражает главную тему романа: невозможность абсолютной истины в мире, где восприятие ненадежно, а

человеческая психика хрупка. Карвин остается фигурой одновременно отталкивающей и трагической – соблазненный своей властью над другими, он становится соучастником кошмара, который, возможно, не полностью им спланирован.

Примеры контрольных эссе

Почему Клару Виланд можно назвать ненадежным рассказчиком?

Клара является ненадежным рассказчиком по нескольким причинам. Во-первых, она унаследовала семейное проклятие – склонность к безумию. Это ограничивает ее способность воспринимать и анализировать события рационально. Во-вторых, девушка на самом деле не знает правды. Признание Карвина противоречиво и запутанно: он мог солгать частично или полностью, а Клара просто не знает реального положения дел. В-третьих, ее собственные черты характера мешают ей беспристрастно и объективно интерпретировать события. Она склонна к одержимости, истерии, депрессии и мрачным мыслям. Подавленные сексуальные чувства к Карвину искажают внешнее восприятие его личности. Клара не понимает собственный разум: считает себя рациональной, рассудительной и смелой, но раз за разом демонстрирует, что на самом деле остается жертвой суеверий.

Почему реакция Клары на Карвина такая сильная?

Клара воспринимает Карвина через два чувства – слух и зрение. Сначала героиня романа полностью очарована его голосом, который казался ей «мелодичным и чистым», с идеально точными интонациями и такой страстной модуляцией, что он мог растрогать даже каменное сердце. Когда же девушка увидела его лицо, ее реакция оказалась невероятно мощной. Ее описание Карвина детализировано, эмоционально и выдает сильнейшие чувства; Клара настолько захвачена им, что рисует его портрет и проводит эту и следующую ночь, размышляя о его чертах. Хотя очевидно, что у нее были романтические чувства к Плейелю, ее реакция на Карвина носит исключительно сексуальный характер. Подавленная сексуальность и чувство вины проявляются на протяжении всего романа в ее истериках, мрачных мыслях и фрагментированном повествовании.

Как Клара одновременно воплощает и превосходит гендерные представления XVIII века?

Для женщины в Америке XVIII века Клара обладает необычайной степенью самостоятельности. Героиню романа воспитывает родственница в очень свободной, почти лишенной строгих рамок среде; образование основано на идеях Просвещения, оно не носит религиозного характера и подстроено под личные интересы; интеллект и свобода распоряжаться собственной жизнью превосходят возможности большинства современных ей женщин. Как и брат, она наследует имущество отца и живет в собственном доме на окраине его владений. Характер Клары описывается как смелый, рациональный и здравомыслящий.

Однако в ней также воплощены многие типичные для женщин XVIII века черты. Она склонна к истерии, одержимости, крайностям в эмоциях и театральности. Хотя у нее есть собственный дом, он расположен на земле брата, а ее заявления о собственной хладнокровности в итоге оказываются ложными. Патриархальные институты романа – такие как семья и церковь – сохраняют над Klarой окончательную власть.

Почему Виланд убивает свою семью?

Это один из ключевых вопросов романа, на который Браун намеренно не дает однозначного ответа. Читателю предстоит самому решить, почему Теодор Виланд – богобоязненный и уважаемый член общины – убивает шестерых людей.

Есть свидетельства его безумия: психические расстройства передаются в его семье, а сам он склонен к меланхолии. Его крайняя религиозность, чувство собственной неполноценности и глубокая жажда стать орудием божественной воли усугубляют его душевную неустойчивость. Таким образом, одно из объяснений убийств – он действительно сошел с ума и слышал голоса в своей голове.

Другая версия заключается в том, что Карвин имитировал эти голоса и довел Виланда до безумия. Возможно, тот уже балансировал на грани, но именно Карвин столкнул его в пропасть.

Есть и третье, менее вероятное (учитывая взгляды самого Брауна), но заслуживающее упоминания объяснение: Виланд в самом деле услышал глас Божий. Роман намеренно неоднозначен, и его посыл многогранен.

Почему Карвин обладает такой властью над семьями Виландов и Плейелей?

Семья Виландов предельно изолирована от внешнего мира. Их жизнь в сельском поместье за пределами Филадельфии представляет собой идиллическую, почти утопическую обособленность, противоестественно отделяющую семью от общества. Франко-индейская война упоминается лишь вскользь, и ни один из персонажей, по сути, не взаимодействует с более широким сообществом. Институты, способствующие здоровому развитию общества, – школы, тюрьмы, политические органы, больницы, лечебницы для душевнобольных – остаются для Виландов чем-то абсолютно внешним и чуждым.

Появление Карвина подсознательно и осознанно пугает их именно потому, что он олицетворяет «другого» – странного пришельца из внешнего мира, чье присутствие угрожает их замкнутому кругу. Его интеллектуальная подготовка, религия, язык, одежда и уникальный дар биллоквизма (умения менять голос) одновременно притягивают и отталкивают; способности легко воздействуют на эту семью, совершенно не готовую к такой встрече. Не имея опыта столкновения с обманом и лицемерием, они не могут распознать исходящей от него угрозы их укладу жизни.

Суеверность и религиозный фанатизм Виланда делают его легкой мишенью для манипуляций, тогда как эмоциональная неустойчивость Клары и ее сильная сексуальная реакция на Карвина лишь подталкивают его к дальнейшим провокациям. Их изолированность и неопытность становятся идеальной почвой для его влияния.

Как Браун задает тон роману и создает напряжение у читателя?

Строя повествование от первого лица, Браун позволяет читателю увидеть ужасающие события глазами женщины, которая их переживает. Читатель ощущает страх Клары, ее истерику, тревогу, смятение и ужас, в то время как она пытается осмыслить происходящее вокруг. Напряжение нарастает благодаря ее постоянным вопросам и размышлениям – риторические вопросы усиливают ощущение нестабильности текста.

Тон Клары то кажется ровным и рациональным, то становится истеричным и растерянным. Читатель остается в напряжении, пока она пытается разгадать тайну загадочных голосов и установить личность

убийцы. Браун мастерски создает жуткую, тревожную атмосферу: в романе появляются необъяснимые огни, странные голоса, уединенные места, призрачные лики, темные комнаты и множество секретов.

Какой урок должен вынести читатель из этого романа?

Большинство художественных произведений XVIII века, особенно сентиментальных романов, стремились преподать читателям моральный урок. Для молодых женщин эти уроки включали сохранение целомудрия и чистоты, а также предостережение против брака с неподходящим мужчиной. Хотя «Виланд» не является сентиментальным романом, он также пытается донести до читателей определенные поучения.

Во вступлении к своему повествованию Клара пишет: “Я не гнушаюсь внести свой, пусть скромный, вклад в благо человечества”. Она намеревается своим рассказом “внушить долг избегать обмана, показать силу ранних впечатлений и продемонстрировать неизмеримые беды, проистекающие от ошибочного и несовершенного воспитания”.

К моменту завершения своей истории рассказом о Максвелле и майоре Стюарте, Клара достаточно поразмыслила, чтобы точнее определить, как можно было избежать трагедии. Хотя Карвин и Максвелл были источниками зла, “если бы Виланд сформировал более верные представления о нравственном долге и божественных атрибутах, или если бы я была наделена обычной уравновешенностью и предусмотрительностью”, то влияние Карвина могло бы быть ослаблено или вовсе нейтрализовано.

Повествование Клары служит уроком, который она сама так и не получила.

Как роман отражает противоречия Америки конца XVIII века?

Роман «Виланд» получил признание критиков благодаря глубокому отражению ключевых социально-исторических противоречий эпохи.

Во-первых, произведение исследует формирование гендерных ролей и проблематику патриархальных устоев. Во-вторых, оно создает выразительный портрет религиозности в американском обществе и сопутствующих ей опасностей. В-третьих, Браун одновременно принимает и подвергает сомнению характерную для Просвещения ориентацию на чувственное восприятие.

В-четвертых, роман раскрывает сложность поддержания здоровой дистанции между семейной и общественной сферами. Наконец, в тексте ярко проявляется страх перед «чужим» – молодая республика демонстрировала иррациональную боязнь иммигрантов, инакомыслящих и всех, кто отклонялся от общепринятых христианских моральных норм.

Таким образом, Браун мастерски соединяет в романе несколько уровней исторического напряжения, характерного для послереволюционной Америки, где прогрессивные идеи сталкивались с глубоко укорененными страхами и предрассудками.

Как смерть старшего Виланда пронизывает роман?

Смерть старшего Виланда оставляет глубокий след в жизни его детей. Начиная свое повествование, Клара подробно описывает загадочные обстоятельства гибели отца, и вопрос о том, была ли его смерть, продолжающая преследовать и ее, и Теодора, делом человеческих рук или сверхъестественных сил.

Клара постоянно колеблется между этими двумя объяснениями. Размышления о смерти отца настигают ее в моменты душевного смятения: после первой встречи с Карвином, когда ее сознание взбудоражено, или в тот вечер, когда Плейел не приходит и она опасается потерять его расположение. Как отмечает сама Клара: “Без всякого резкого перехода мои мысли обратились к бурной жизни и таинственной кончине моего отца”.

Если Теодор наследует фанатичную религиозность отца, то оба ребенка получают в наследство и его склонность к безумию. Насильственная смерть старшего Виланда зеркально отражается в трагической гибели всей его семьи. Примечательно, что в обоих случаях вина остается неочевидной: был ли отец поражен Божьей карой или пал от руки убийцы? Действовал ли Теодор по божественному велению или под влиянием собственного безумия и манипуляций Карвина?

Эти неразрешенные вопросы подчеркивают глубину замысла Брауна, оставляя читателя в напряжении между рациональным и иррациональным объяснением событий. Роман мастерски передает хрупкость человеческого разума перед лицом необъяснимого, а также силу родового проклятия, которое продолжает влиять на судьбы героев.

Почему роман имеет подзаголовок «Превращение»?

Существует несколько теорий о том, почему Браун дал своему роману подзаголовок «Превращение» (The Transformation).

1 Национально-литературный уровень

Некоторые критики рассматривают подзаголовок в контексте становления американской литературы, отделяющейся от европейских традиций. Он может символизировать трансформацию 13 разрозненных колоний в единую республику.

2 Личностные метаморфозы

Другие исследователи связывают название с внутренними изменениями персонажей:

- Теодор Виланд превращается из рассудительного, доброго и набожного человека в фанатика, убежденного, что получил божественный приказ убить свою семью.

- Клара эволюционирует от рациональной и образованной девушки к истеричной и безумной женщине.

- Карвин, мастер перевоплощений (сменивший даже национальность – с англичанина на испанца), манипулирует окружающими, превращая их в марионеток.

3 Философский подтекст

Подзаголовок также отражает ключевую тему романа – хрупкость человеческой идентичности под влиянием внешних сил (религиозного фанатизма, манипуляций, наследственного безумия).

Таким образом, «Превращение» работает на нескольких уровнях, подчеркивая как исторические, так и психологические трансформации, что делает роман многогранным и символически насыщенным.

Дополнительная информация: самовозгорание

Самовозгорание человека (англ. Spontaneous human combustion, SHC) – паранормальное явление, в результате которого человек якобы может воспламениться без видимого внешнего источника огня. Существование явления не доказано и отрицается большинством ученых. В сообщениях о таких случаях обычно конечности остаются нетронутыми, тогда как голова и туловище могут быть полностью уничтожены. В некоторых случаях люди не воспламеняются, а получают

странные ожоги или начинают дымиться. Часто упоминается отсутствие следов пожара в помещении и сладковатый запах гари.

Существует несколько теорий этого феномена, не связанных с паранормальными явлениями. Одна предполагает накопление метана в кишечнике, который может воспламениться от ферментов. Другая – накопление статического электричества в теле. Ни одна из этих теорий не доказана. Ученые чаще объясняют это «эффектом свечи», когда тело, подобно перевернутой свече, горит за счет жира, а одежда или волосы служат фитилем. Конечности обычно не сгорают, потому что пламя гаснет, достигнув этих более холодных участков.

Первый известный случай описал датский анатом Томас Бартолин (Bartholin, 1616–1680) в 1663 году: парижанка сгорела во сне, но матрас остался нетронутым. В 1673 году вышел сборник подобных случаев. В истории зафиксированы десятки сообщений, некоторые остаются загадкой, другие объясняются засыпанием с сигаретой или попыткой скрыть преступление.

В литературе спонтанное возгорание встречается часто. Помимо Брауна, Николай Гоголь (1809–1852) использовал этот мотив в «Мертвых душах» (1842). В «Редберне» Германа Мелвилла (1849) описано возгорание пьяного матроса. Чарльз Диккенс (Dickens, 1812–1870) прибегает к этому мотиву в «Холодном доме» (1852). Жюль Верн (Verne, 1828–1905) в «Пятнадцатилетнем капитане» (1878) связывал это явление с алкоголем.

В «Виланде» спонтанное возгорание – лишь один из фантастических элементов готического повествования. Вентрилоквизм Карвина и наследственное безумие Виланда добавляют драматизма. Браун опирался на научные данные своего времени о возгорании и вентрилоквизме, стремясь создать «научно обоснованный» ужас. Будучи человеком эпохи Просвещения, он включил в роман свои исследования права, феминизма и других тем. «Виланд» стал продуктом как воображения автора, так и его образованности.

Вопросы и задания

1 Объясните, как в романе «Виланд» сталкиваются опасности религиозного фанатизма и восприятие и обман чувств. Приведите примеры (Теодор Виланд против Плейеля).

2 Опишите, как Фрэнсис Карвин использует свой дар чревовещания (билоквизм) для манипуляции. Почему его называют кукловодом трагедии?

3 Проанализируйте символическое значение смерти старшего Виланда (самовозгорание). Как эта загадочная смерть становится роковым наследством для Клары и Теодора?

4 Докажите, что Клара Виланд является ненадежным рассказчиком, используя аргументы из раздела «Цитаты и анализ» (например, ее сны, истеричность, признание в неточностях).

5 Чем американская готика Брауна отличается от европейской (замки, призраки)? Используйте понятие «реализм иррационального» (вместо замка – поместье, вместо призрака – Карвин).

6 Как роман «Виланд» отражает страхи американского общества конца XVIII века перед «чужими» (ксенофобия) и нестабильностью молодой республики?

7 Почему Браун оставляет финал (виновность Карвина) двусмысленным? Как эта двусмысленность связана с главной идеей романа о невозможности абсолютной истины?

8 Выпишите из текста романа пять терминов, описывающих эмоциональное состояние персонажей (например, «constriction», «torpor», «paroxysm»), и составьте с ними три предложения от лица Клары.

Вашингтон Ирвинг (Irving, 1783–1859)

Вашингтон Ирвинг родился в 1783 году в Нью-Йорке. Он был младшим из 11 детей состоятельного купца, шотландского иммигранта. С ранних лет на Вашингтона оказывали влияние литературные вкусы его старших братьев Уильяма (1766–1821) и Питера (1771–1838). Однако, окончив частную школу в 1798 году, он пошел работать в юридическую контору, пытаясь избежать бизнеса, который ненавидел.

Юриспруденция быстро наскучила ему. Тем не менее, он работал по этой специальности в различных конторах до 1804 года. В это время он также писал статьи для *The Morning Chronicle* и *The Corrector*, двух газет, которые редактировал его брат Питер. С 1802 по 1803 год он написал серию юношеских сатир на жизнь Нью-Йорка для *Chronicle*, под названием «Письма Джонатана Олдстайла, джентльмена».

С 1804 по 1806 год Ирвинг путешествовал по Европе. Материалы, собранные во время этой поездки, он позже использовал в своих рассказах и очерках. По возвращении в Америку, в Нью-Йорк, Ирвинг был восстановлен в коллегии адвокатов, но быстро потерял интерес к карьере, которая ему никогда по-настоящему не нравилась. Он стал более серьезно заниматься литературой.

С 1807 по 1808 год он вместе с братьями участвовал в создании сатирического сборника эссе «Сальмагунди, или Причуды и мнения Ланселота Лэнгстаффа, эсквайра, и других». Затем он взялся за «Историю Нью-Йорка», которая представляла собой сатирическую историю, комментировавшую период голландской оккупации, критиковавшую джефферсоновскую демократию с федералистских позиций и высмеивавшую литературную историографию.

Перед ее завершением в 1809 году невеста Ирвинга, Матильда Хоффман, трагически скончалась. Хотя «История Нью-Йорка» имела большой успех, Ирвинг не написал ничего из художественной литературы в течение последующих 6-ти лет. В это время его братья сделали его партнером в семейном бизнесе с минимальными обязанностями, чтобы субсидировать его писательскую деятельность.

В эти годы он также собрал стихотворения Томаса Кэмпбелла (Campbell, 1777–1844), которые были опубликованы в 1810 году, и редактировал *Analectic Magazine* с 1813 по 1814 год – популярный

журнал, перепечатававший статьи из иностранных периодических изданий.

К 1815 году его брат Питер, руководивший ливерпульским филиалом, заболел, и компания оказалась на грани банкротства. Таким образом, не связанная с бизнесом поездка превратилась в попытку Вашингтона Ирвинга управлять семейной импортирующей фирмой в Ливерпуле. Хотя в течение двух лет он пытался предотвратить крах бизнеса, к 1818 году компания была вынуждена объявить о банкротстве.

Вынужденный зарабатывать на жизнь писательским трудом, Ирвинг приступил к работе над книгой, которая стала его самым известным произведением – «Книга эскизов Джеффри Крейона» (1819–1820). Зная, что теперь ему придется зарабатывать писательством, он изучал популярные вкусы и научился смягчать свою сатиру и использовать более мягкие формы романтизма, такие как сентиментализм. «Книга эскизов Джеффри Крейона» содержала американизированные версии европейских сказок, а также очерки об английской жизни.

«Книга эскизов Джеффри Крейона» имела огромный успех и получила похвалы критиков. Это было первое художественное произведение американского автора, получившее хорошие отзывы в Европе, которая ранее не проявляла никакого уважения к американской литературе, даже отрицая ее существование. Его успех превратил Ирвинга в знаменитость как в Америке, так и в Европе, и он общался с известными писателями того времени. В 1820 году он работал над пьесами с Дж. Х. Пейном (Payne, 1791–1852) в Париже, а в 1822 году опубликовал «Брейсбридж-Холл», еще одну книгу романтических очерков, которая была хорошо принята, но не считалась такой же важной, как «Книга эскизов».

Ирвинг продолжал путешествовать по Европе, опубликовав в 1824 году плохо принятую критиками книгу «Рассказы путешественника». Затем он стал дипломатическим атташе в Испании, где работал над своей «Историей жизни и путешествий Христофора Колумба», опубликованной в 1832 году. Он опубликовал еще две работы, пока был в Европе – «Хронику завоевания Гранады» (1829) и «Альгамбру» (1832), прежде чем вернуться в Нью-Йорк в 1832 году после 17 лет за границей.

Его с энтузиазмом встретили как первого американского автора, добившегося международной известности (Бенджамин Франклин добился

еще большей международной известности, но больше благодаря своим научным достижениям и государственной деятельности, чем писательству). Вскоре он снова начал путешествовать, отправившись на западную границу в поисках новых мест для своих рассказов. Эта поездка запечатлена в трех произведениях: «Тур по прериям», «Астория» и «Приключения капитана Бонвиля, США», опубликованных между 1835 и 1837 годами.

Ирвинг вернулся в Европу на 3 года, а затем провел последние 13 лет своей жизни в Нью-Йорке. Он продолжал писать, даже когда его творческие силы ослабевали, вплоть до своей смерти.

«Легенда о Сонной Лощине» **(The Legend of Sleepy Hollow, 1820)**

«Легенда о Сонной Лощине» была опубликована как часть «Книги эскизов», которая вышла в 1820 году. Это, вероятно, самый известный рассказ из сборника, и он считается одной из важнейших работ Ирвинга. «Книга эскизов Джеффри Крейна» была чрезвычайно хорошо принята в Америке и стала первым произведением американского автора, получившим хорошие отзывы в Европе. Этот сборник рассказов и очерков упрочил репутацию Ирвинга и утвердил его в качестве выдающегося американского писателя. Большинство набросков касаются его наблюдений как американца, посещающего Англию, но 6 из них, включая 2 самых известных – «Рип Ван Винкль» и «Легенда о Сонной Лощине», – имеют дело с американскими сценами. Это адаптации немецкого фольклора с Нью-Йорком в качестве места действия и некоторыми новаторскими элементами, вроде романтизации индейцев.

«Легенда о Сонной Лощине», чьим источником считается немецкая народная сказка, рассказывает историю Икабода Крейна, жадного и наивного школьного учителя из Коннектикута, который пытается добиться руки кокетливой и очень богатой Катрины Ван Тассель. Бром Бонс, местный герой, тоже влюблен в Катрину, и у него есть склонность разыгрывать других. Икабод особенно увлечен историями о привидениях и ведьмах, а Сонная Лощина известна своей сверхъестественной аурой – особенно своим печально известным призраком, Всадником без головы.

Одной ночью, после вечеринки у Ван Тасселей, на которой Катрина, вероятно, отвергает Икабода (возможно, она участвует в плане Брома),

Икабод обнаруживает, что по пути домой к нему присоединилась темная фигура на большой лошади. Он не может оторваться от нежеланного спутника, и Крейн в конце концов понимает, что у всадника нет головы. Икабод делает все возможное, чтобы сбежать, но как только он ожидает, что Всадник без головы исчезнет, призрак вместо этого бросает в него «головой», сбивая его с лошади.

На следующий день от Икабода не находят ничего, кроме его шляпы, а рядом с ней лежит разбитая тыква. Икабода больше никогда не видят в Сонной Лощине, и вскоре Бром Бонс женится на Катрине. Жители городка винят в исчезновении Икабода всадника без головы, но Бром, кажется, знает нечто большее.

Таким образом, эта история объединяет любовную и ghost story, но прежде всего это комическая история. Сюжет апеллирует к общим чувствам, но история высмеивает сообщества, которым нужны призраки и истории о привидениях, чтобы занять людей. Она также потешается над школьным учителем, который считается одним из самых умных людей в городе, но при этом верит в призраков, и его легко напугать и обмануть с помощью простой шутки. Ученый уступает атлетичному, сильному Брому Бонсу.

Краткая характеристика персонажей «Сонной Лощины»

Балтус Ван Тассель

Также известен как Балт – преуспевающий и довольный жизнью фермер, отец Катрины, который абсолютно счастлив в пределах своей фермы. Он живет в достатке, но при этом не спесив.

Бром Ван Брант

Бром (сокращение от Абрахам) – главный соперник Икабода Крейна в борьбе за руку Катрины. Это шумный, крепко сложенный мужчина, настоящий местный герой, прославившийся своей храбростью и физической силой. Он виртуозно управляется с лошадьми. Несмотря на склонность к озорству, им часто движут добрые побуждения. Скорее всего, именно он и был тем, кто скрывался под маской Всадника без головы.

Ханс Ван Риппер

Старый фермер, у которого на момент вечеринки Ван Тасселей остановился Икабод Крейн. Именно он предоставил Икабоду лошадь в ту самую роковую ночь.

Икабод Крейн

Уроженец Коннектикута, прибывает в Сонную Лощину, чтобы работать школьным учителем и преподавателем пения. Его эрудиция и мастерство в пении оспариваются лишь рассказчиком. Он высок и невероятно худ, обладает зверским аппетитом и изрядной долей жадности. В качестве предпочтительного метода воспитания своих учеников он использует розги – но лишь к тем, кто достаточно крепок, чтобы выдержать это. Он особенно увлечен историями о привидениях и сверхъестественном, поскольку искренне в это верит. Его попытка ухаживать за Катриной Ван Тассель терпит неудачу как раз перед встречей с Всадником без головы, которым, скорее всего, и был его главный соперник, скрывшийся под маской.

Катрина Ван Тассель

Единственная дочь богатого фермера Балтуса Ван Тасселя, 18-летняя красавица, известная всей округе как своим богатством, так и привлекательностью. Она кокетка и всегда одевается так, чтобы подчеркнуть свои достоинства. Катрина является одной из учениц Икабода Крейна по пению и объектом его желаний. Как раз в тот момент, когда Икабод думает, что добился ее расположения, рассказчик намекает, что некая неоглашенная попытка оказалась неудачной, что заставляет Икабода покинуть ее дом подавленным и уязвимым для своих самых страшных страхов.

Основные темы «Сонной Лощины»

Достоверность повествования

Достоверность является определяющей темой «Легенды о Сонной Лощине». История отдалена от читателя – Крейон обнаружил ее в бумагах Дидриха Никербокера, который уже мертв, а тот, в конце истории, указывает, что слышал ее от одного пожилого джентльмена, который и сам, по его словам, не верил и половине из услышанного, получив ее, в свою очередь, из первоисточников или даже других второстепенных источников. Таким образом, даже там, где история рассказывается с уверенностью, рассказчик дал нам основания сомневаться во всем. Мы становимся критически настроенными читателями, в отличие от Крейна, который верит прочитанным им историям о привидениях.

Рассказчик также признает полное неведение относительно одного из ключевых моментов истории – предполагаемого отказа Катрины Икабоду, а также ее финала. Однако он передает сцену, о которой мог знать только со слов самого Крейна (или всадника). Других свидетелей не было. Учитывая нарративную рамку повести, мы понимаем, что рассказчик не всеведущ, а был вынужден полагаться на чужие слова.

Тем не менее, рассказчик не демонстрирует, что фактическая точность является целью. Вполне вероятно, что смысл рассказа, как и то, что он передавался от одного человека к другому, заключается в самом повествовании, в удовольствии от истории. С одной стороны, мы – критичные читатели, потому что иначе мы не догадаемся, кто играет роль всадника. С другой стороны, мы должны вести себя не как скучный школьный учитель, а как прилежные слушатели, наслаждающиеся рассказом.

Ирвинг через сложную структуру рассказчиков и иронию в финале приходит к выводу, что ценность истории – в ее способности развлекать, а не в 100 % правдивости. Идеальный читатель – это не наивный доверчивый Икабод и не скучный педантичный скептик, а тот, кто сознательно соглашается на правила игры, чтобы получить удовольствие от мастерски рассказанной истории. Это урок некоторым литературным критикам и профессорам, которые теряют радость чтения в процессе дотошной интерпретации.

Сила воображения

Сила воображения играет заметную роль в «Легенде о Сонной Лощине» и во всем сборнике Крейона в целом. В «Легенде о Сонной Лощине» Икабод – довольно комичный и глупый протагонист. Это во многом происходит из-за силы его воображения.

Главное удовольствие Икабода – читать истории о привидениях, демонах и ведьмах или слушать рассказы о них; однако, поскольку его воображение столь могущественно, он дорого за это платит, испытывая сильный страх каждый раз, когда идет или едет домой после наступления темноты. Самые незначительные вещи пугают его, и он может убедить себя, что почти все является сверхъестественным.

Таким образом, воображение Икабода усложняет ему жизнь, но, кажется, не меняет его поведение. Он продолжает читать эти истории и ходить домой в темноте. Воображение Икабода настолько мощное, что он по существу уже считает себя владельцем фермы Ван Тасселей. Поскольку он получает удовольствие от этой фантазии, он забывает, что нужно приложить усилия, чтобы превратить ее в реальность.

Икабод также пытается ухаживать за Катриной, представляя свою будущую жизнь с ней. Но он не воспринимает Брома достаточно серьезно как соперника и не делает ничего, чтобы доказать, что он может быть мужем, который предложит Катрине что-либо, кроме уроков пения. Таким образом, мощное воображение Икабода делает его несостоятельным в реальности.

Отсутствие классовой структуры в Америке

Тема отсутствия жесткой классовой структуры в Америке наиболее очевидна при чтении «Легенды о Сонной Лощине» в более широком контексте «Книги эскизов».

Сонная Лощина – старый городок, населенный в основном потомками его первоначальных поселенцев. Казалось бы, это должно было сделать его подверженным сословным предрассудкам, однако нет никаких свидетельств такой иерархии. Вместо этого люди ценятся за свои достоинства, такие как книжная ученость, способность к преподаванию, физическая сила или умение петь.

Катрина Ван Тассель, будучи дочерью богатого фермера, желанна почти для каждого подходящего молодого человека в Сонной Лощине.

В Европе отсутствие титула ограничило бы круг ее потенциальных женихов людьми схожего статуса, но в Америке (или по крайней мере в этом сонном городке) богатства в сочетании с красотой, молодостью и обаянием достаточно, чтобы сделать ее очень желанной невестой. Это вопрос скорее денег, чем классовой принадлежности. Более того, будучи самой завидной невестой в округе, в итоге она выбирает между популярным, но безответственным и буйным молодым человеком без какого-либо известного нам состояния и очень бедным бездомным школьным учителем.

В их сообществе Икабод ценится за свое сравнительно хорошее образование; Бром – за физические навыки и приятный характер. Их титулы, семьи и даже деньги явно не принимаются в расчет.

Это сильно контрастирует, например, с «The Pride of the Village», другой историей из сборника Ирвинга, в которой прекрасная и добродетельная молодая англичанка умирает от разбитого сердца, потому что мужчина, которого она любила, не мог даже помыслить о женитьбе на ней из-за ее сравнительно низкого происхождения.

Изобилие ресурсов в Америке

Хотя источником «Легенды о Сонной Лощине» считается старая европейская сказка, в контексте «Книги эскизов» это очень американская история. Это ясно, прежде всего, из того факта, что ее действие вообще происходит в Америке, тогда как главным объединяющим элементом сборника являются путешествия Крейона по Европе. Таким образом, американская локация – это не просто случайность, а осознанный выбор, и поэтому она важна, что отражается в нескольких темах. Если у Европы есть история, то у Америки есть молодость, потенциал и ресурсы.

Икабод, как и Рип Ван Винкль, бездеятелен и несостоятелен, едва способен себя обеспечить и ничего не производит. Однако он все равно может есть почти постоянно, как того требует его аппетит, благодаря обильным ресурсам, доступным в Сонной Лощине. То, что это изобилие важно, совершенно ясно, поскольку почти половина рассказа посвящена описанию товаров: земли Ван Тасселей, фермы, животных, дома, имущества и еды. В то время как Катрина описана как молодая и хорошенькая, каждое отдельное животное, каждое блюдо описано с гораздо более чувственными подробностями, чем она. Таким образом,

ресурсы становятся одной из важнейших особенностей истории, что согласуется с верой Крейона в то, что преимущества Америки – в ее природных богатствах.

Краткость истории и преемственности в Америке

Краткость истории и преемственности в Америке, как и отсутствие классовой структуры, заметна в «Легенде о Сонной Лощине» и еще более очевидна в остальных частях сборника, которые демонстрируют контраст с Европой. Чрезмерное обилие историй о привидениях в Сонной Лощине по сравнению с другими американскими поселениями объясняется тем, что это старая деревня, жители которой в основном являются потомками первоначальных поселенцев. Таким образом, даже будучи американской деревней, она представлена более похожей на европейскую, чем большинство американских поселков, что и позволяет ей иметь свои легенды.

Однако ее молодость по сравнению с европейскими городами все еще очень заметна, как, например, когда Дидрих Никербокер шутливо замечает, что история, которую он собирается поведать, произошла в очень «отдаленный период американской истории, то есть лет тридцать назад». В Европе тридцать лет – это едва ли поколение, еще не «история», но в Америке даже двадцатилетний сон, как у Рипа Ван Винкля, может привести к тому, что пропустишь определяющий исторический период.

Никербокер также подчеркивает, что такой городок, как Сонная Лощина, необычен для Америки, поскольку в большинстве поселений истории о привидениях не получают распространения, так как никакие призраки не стали бы возвращаться, чтобы преследовать людей, которые перемещаются так быстро.

Отсутствие многолетней истории и преемственности дает людям в Америке больше свободы, такой как свобода передвижения, потому что общепринято, что люди приходят и уходят и должны добиваться успеха благодаря своим талантам. Людям не приходится оправдывать ожидания, установленные предыдущими поколениями.

Естественное и сверхъестественное

Ирвинг проводит четкий контраст между естественными пейзажами Сонной Лощины и сверхъестественными суевериями ее жителей. Не будь людей с их историями о привидениях и страхах, не было бы и самих

призраков. В то же время значительная часть повествования сосредоточена на природной обстановке: птицах, деревьях и прочей флоре и фауне этих мест, а также водоемах – все это описано с прекрасными подробностями.

Был ли Икабод сражен призрачной головой или обычной тыквой? Кажется очевидным, что естественное объяснение должно быть более логичным. Но в Сонной Лощине существует живая традиция отдавать предпочтение сверхъестественным трактовкам, и, несмотря на все природные улики, свидетельства, многие жители городка винят в исчезновении Икабода Всадника без головы.

Наконец, фольклор о сверхъестественных существах часто описывает способы, с помощью которых их можно контролировать с помощью вещей из естественного мира. К примеру, из-за представления, что призраки обитают в определенных местах, люди полагают, что те не могут перейти через мост над водоемом, который перенес бы их в новую местность. Хотя сверхъестественное по определению находится за пределами естественного мира, люди стремятся рационализировать, ограничить и обуздать его с помощью сторителлинга и фольклора.

Эгоизм

Хотя «Легенда о Сонной Лощине» – беззаботная история, рассказанная с юмором, она рисует не самый лестный портрет человечества и вряд ли «пробуждает благожелательный взгляд на человеческую природу», как того, по словам Крейона, желает его писательское перо. Это особенно верно в отношении непомерного эгоизма, который демонстрирует большинство персонажей.

Очевиднее всего то, что Икабод желает Катрину в первую очередь из-за увеличения материального богатства, которое она представляет, и он даже представляет себе, как продает ферму ее семьи, когда она перейдет в его владение, чтобы получить деньги. Даже когда Икабод проявляет свои лучшие качества, помогая по хозяйству на фермах, где он остановился, и радуя детей и жен, его главная цель при этом – поддерживать своих хозяев довольными, чтобы они позволяли ему оставаться и кормили его.

Однако это не единственный пример жадности или эгоизма. Катрина использует Икабода, чтобы обеспечить привязанность Брома – она,

возможно, понимает истинные мотивы Икабода, но так или иначе, нельзя отрицать, что она не колеблясь использует его в своих целях.

То, что этот эгоизм не ограничивается несколькими персонажами, становится совершенно ясно, когда Икабод исчезает. Когда следов Икабода не обнаруживается, всем становится все равно. Это потому, что он был холост и не имел долгов, из чего следует предположение, что будь он кому-то должен денег, те приложили бы гораздо больше усилий, чтобы найти его.

Цитаты и анализ

In addition to his other vocations, he was the singing-master of the neighborhood ... It was a matter of no little vanity to him, on Sundays, to take his station in front of the church gallery, with a band of chosen singers; where, in his own mind, he completely carried away the palm from the parson. Certain it is, his voice resounded far above all the rest of the congregation; and there are peculiar quavers still to be heard in that church, and which may even be heard half a mile off, quite to the opposite side of the mill-pond, on a still Sunday morning, which are said to be legitimately descended from the nose of Ichabod Crane. Thus, by divers little make-shifts in that ingenious way which is commonly denominated "by hook and by crook," the worthy pedagogue got on tolerably enough, and was thought, by all who understood nothing of the labor of headwork, to have a wonderfully easy life of it. [8, 481–482]

Narrator

Эта сатирическая оценка чувства собственной важности Икабода Крейна не должна восприниматься буквально. Данный отрывок в основном посвящен гордости Крейна за свое пение, над которой рассказчик насмехается, намекая, что именно изгиб его носа заставляет его петь так хорошо. Если Крейн и уступает пастору в учености, то по крайней мере он может превзойти его силой своего пения. Что же до того, что большинство людей не понимает «труда умственной работы», то это также ироничный укол в адрес жалоб тех, кто не занимается физическим трудом, но считает свои интеллектуальные занятия невероятно тяжелыми.

The schoolmaster is generally a man of some importance in the female circle of a rural neighborhood, being considered a kind of idle gentlemanlike

personage, of vastly superior taste and accomplishments to the rough country swains, and, indeed, inferior in learning only to the parson. [Idem, 482]

Narrator

В этом отрывке Никербокер высмеивает чувство собственной важности Икабода в этой крошечной деревушке. Он «бесконечно превосходит» окружающих во вкусе, достижениях и образовании – но несколькими строками позже становится ясно, что это обширное познание на самом деле состоит лишь из того, что он «прочел несколько книг от корки до корки». Это подчеркивает силу подачи, умение убедительно рассказывать собственную историю – незначительное превосходство Икабода в образовании позволяет ему притворяться, что оно – великое.

Это позволяет ему завоевать некоторый статус среди женщин округа, что необходимо и весьма впечатляюще, ибо в действительности ему почти нечего предложить будущей жене.

As the enraptured Ichabod fancied all this, and as he rolled his great green eyes over the fat meadow lands, the rich fields of wheat, of rye, of buckwheat, and Indian corn, and the orchards burthened with ruddy fruit, which surrounded the warm tenement of Van Tassel, his heart yearned after the damsel who was to inherit these domains, and his imagination expanded with the idea, how they might be readily turned into cash, and the money invested in immense tracts of wild land, and shingle palaces in the wilderness. Nay, his busy fancy already realized his hopes, and presented to him the blooming Katrina, with a whole family of children, mounted on the top of a waggon loaded with household trumpery, with pots and kettles dangling beneath; and he beheld himself bestriding a pacing mare, with a colt at her heels, setting out for Kentucky, Tennessee, or the Lord knows where! [Idem, 488–489]

Narrator (reflecting Crane's mind)

Данный отрывок предельно ясно показывает источник чувств Икабода к Катрине. Было и так вполне очевидно, что любовь к ней укоренена в его материальных желаниях, но казалось, что он любил и ее ферму тоже. Однако этот отрывок показывает, что любовь Икабода к самой ферме – это не любовь к земле, а чистая жадность – в своей фантазии он продает ферму за деньги и, возможно, переезжает в другой штат. Таким образом, его привлекает именно стоимость фермы. Это делает его, в консервативном сознании Никербокера, еще хуже, ведь его

совершенно не заботит тот факт, что Ван Тассели – одна из немногих старых и укорененных семей в этой стране, характеризующейся как раз отсутствием корней.

Этот отрывок также подчеркивает, насколько могущественны воображение Икабода и его способность фантазировать. Ему не нужна реальность, ведь «его деятельная фантазия уже осуществила его надежды». Он уже завоевал Катрину и видит себя с большим семейством и всеми деньгами от продажи фермы. Именно эта способность заходить так далеко в своих фантазиях мешает Икабоду добиться успеха в реальном мире – он недостаточно связан с реальностью, несмотря на свою ученость и умение петь, и поэтому он не действует так, как должен, чтобы получить желаемое (если бы он вообще мог стать достаточно сильным соперником для Брома) и по-настоящему завоевать сердце Катрины.

I profess not to know how women's hearts are wooed and won. To me they have always been matters of riddle and admiration. Some seem to have but one vulnerable point, or door of access; while others have a thousand avenues, and may be captured in a thousand different ways. It is a great triumph of skill to gain the former, but a still greater proof of generalship to maintain possession of the latter, for a man must battle for his fortress at every door and window. He who wins a thousand common hearts, is therefore entitled to some renown; but he who keeps undisputed sway over the heart of a coquette, is indeed a hero. [Idem, 494]

Narrator

Данный отрывок демонстрирует разницу между тем, что сегодня называют «сложными» (high-maintenance) и «неприхотливыми» (low-maintenance) женщинами. Эта концепция представляет женщин в своего рода качестве товара. Как намекает рассказчик, кокетка иногда играет в недоступность, чтобы заставить мужчину доказать, что он настоящий герой, но другие кокетки стереотипно непостоянны и иррациональны, так что поклонник должен быть в прекрасной форме – и чрезвычайно внимателен – чтобы завоевать сердце кокетки.

Катрина Ван Тассель, единственный значимый женский персонаж, представлена как товар: молодая, хорошенькая и богатая кокетка, и это примерно все описание, которое получает читатель, в то время как ее будущее имущество – или имущество ее будущего мужа – описано с

восторженной подробностью. Метафоры и язык здесь – это язык битвы и владения, что ясно дает понять, что рассказчик воспринимает женщин как загадки, которые нужно разгадать, или призы в мужской игре в перетягивание каната. Их нужно «захватить в плен», а мужчина должен «удержать владение» и «сражаться за свою крепость».

There was something extremely provoking in this obstinately pacific system; it left Brom no alternative but to draw upon the funds of rustic waggery in his disposition, and to play off boorish practical jokes upon his rival. [Idem, 495]

Narrator

Сонная Лощина – общество гражданское, а не военное, где Бром мог бы легко одолеть Икабода как более слабого противника. Это мирное, или «пацифистское» общество вынуждает Брома добиваться успеха, действуя в основном в рамках правил и не допуская серьезных беспорядков. Его проделки действительно создают мелкие проблемы, которые сегодня расценивались бы как домогательства, и, несмотря на свою грубость, вероятно, эффективно повышают его статус в сравнении с Икабодом в сознании Катрины.

Данный отрывок также является важным предзнаменованием финального розыгрыша в отношении Икабода.

This neighborhood, at the time of which I am speaking, was one of those highly favored places which abound with chronicle and great men. The British and American line had run near it during the war—it had, therefore, been the scene of marauding, and been infested with refugees, cow boys, and all kinds of border chivalry. Just sufficient time had elapsed to enable each story teller to dress up his tale with a little becoming fiction, and in the indistinctness of his recollection, to make himself the hero of every exploit. [Idem, 504–505]

Narrator

Данный отрывок затрагивает опасность или, с другой точки зрения, возможности, заключенные в самом акте повествования. С течением времени историческая правда становится более податливой, поскольку все меньше людей могут ее по-настоящему помнить, и историю легко приукрасить. В Сонной Лощине прошло достаточно времени, чтобы люди могли исказить собственную историю, чтобы сделать ее лучше. Хотя это явление может показаться отталкивающим для историка, с литературной

точки зрения более интересная история является лучшей и доставляет большее удовольствие.

Важное различие здесь проводится между story (историей-повествованием, вымыслом) и history (историей-фактом, исторической правдой). «Легенда о Сонной Лощине» балансирует на грани между ними, представляя собой в значительной степени ненадежную (unreliable) history, которая все же ближе к истине, чем любые версии, рассказываемые в городке. Мужчины в этом отрывке, со своей стороны, не записывают свои истории для потомков, а просто рассказывают самые лучшие части и приукрашивают их.

Local tales and superstitions thrive best in these sheltered, long settled retreats; but are trampled under foot, by the shifting throng that forms the population of most of our country places. Besides, there is no encouragement for ghosts in most of our villages, for they have scarce had time to finish their first nap, and turn themselves in their graves, before their surviving friends have traveled away from the neighborhood, so that when they turn out of a night to walk the rounds, they have no acquaintance left to call upon. This is perhaps the reason why we so seldom hear of ghosts except in our long established Dutch communities. [Idem, 505–506]

Narrator

Данный отрывок подчеркивает характерную молодость и постоянную изменчивость большинства американских поселений. Хотя Никербокер отмечает, что это означает малое количество историй о привидениях в американских деревнях, под «привидениями» он на самом деле подразумевает традиции, укоренившуюся культуру, историю или чувство преемственности между прошлым и настоящим. Призрак делает именно это – связывает прошлое, историю места, с его настоящим. Но если не было достаточно времени для того, чтобы сформировалось подлинное прошлое, и если люди постоянно переезжают, и если, таким образом, прошлое быстро забывается или никогда не бывает узнано, не может быть и преемственности, а следовательно, и привидений. Это, с точки зрения классического консерватора и человека, глубоко осознающего историю, каковыми являются Крейон и Никербокер, – ужасная потеря.

Никербокер и Крейон в какой-то степени работают над тем, чтобы исправить этот разрыв, через свои акты повествования. Хотя прошлое, с которым они имеют дело, может быть вымышленным, они все же связывают ушедшее поколение с нынешним, рассказывая истории, действие которых происходит в предыдущую эпоху. Они удерживают призраков в игре, фокусируясь на их метафорической ценности.

Американская литература того времени функционировала без сколько-нибудь значительной независимой истории или традиции сторителлинга, что обеспечивало большую нарративную свободу, но также грозило помешать формированию собственно американской повествовательной традиции везде, кроме тех мест, где люди более стабильны в своих привычках и географическом перемещении.

Ichabod only lingered behind, according to the custom of country lovers, to have a tete-a-tete with the heiress; fully convinced that he was now on the high road to success. What passed at this interview I will not pretend to say, for in fact I do not know. Something, however, I fear me, must have gone wrong, for he certainly sallied forth, after no very great interval, with an air quite desolate and chopfallen – Oh these women! these women! Could that girl have been playing off any of her coquettish tricks? – Was her encouragement of the poor pedagogue all a mere sham to secure her conquest of his rival? – Heaven only knows, not I! [Idem, 508–509]

Narrator

Данный отрывок подчеркивает ненадежность повествования. Эта сцена является ключевой – по сути, это развязка любовного треугольника, который движет историю вперед, – и все же рассказчик заявляет, что понятия не имеет, что произошло, и может лишь строить догадки. Его предположения основаны на настроении Икабода, с которым тот уходил, что, предположительно, никто не видел. Таким образом, эта часть истории либо выдумана, основана на разумном предположении, сделанном из рассказа Катрины другим, либо восходит к самому Крейну, который вряд ли является надежным рассказчиком собственной истории.

Подобным образом, последующая сцена описана с большой подробностью, вплоть до того, о чем думал Икабод. Признаваясь здесь, как нигде больше, что он не знает, что случилось, рассказчик ставит под сомнение достоверность всего остального.

Создается впечатление, что Ирвинг использует старый нарративный прием: он предоставляет самое напряженное мгновение воображению читателя, чтобы усилить его эффект. Кроме того, чопорные читатели XIX века понимали, что такой интимный момент, который мог включать в себя физическую несдержанность, неуместно переносить на бумагу.

Этот отрывок также важен тем, что он демонстрирует самостоятельность Катрины. Героиня рассказа, которую воспринимали по существу как приз, за который сражаются Бром Бонс и Икабод, показывает, что реальный выбор остается за ней. Катрина, очевидно, выбрала Брома, и вполне возможно, что кокетка посвящена в розыгрыш или мистификацию, учитывая, что она подавала Икабоду множество сигналов, чтобы тот задержался. Трактую ее действия еще более смело, как намекает рассказчик, красавица могла провести свою собственную искусную игру, чтобы удостовериться, что Икабод получит окончательное «нет», которое заставит его уйти и оставить поле боя свободным для Брома.

The mysterious event caused much speculation at the Church on the following Sunday. Knots of gazers and gossips were collected in the church yard, at the bridge, and at the spot where the hat and pumpkin had been found. The stories of Brouwer, of Bones, and a whole budget of others, were called to mind; and when they had diligently considered them all, and compared them with the symptoms of the present case, they shook their heads, and came to the conclusion that Ichabod had been carried off by the galloping Hessian. As he was a bachelor, and in nobody's debt, nobody troubled his head any more about him, the school was removed to a different quarter of the hollow, and another pedagogue reigned in his stead. [Idem, 517–518]

Narrator

Данный отрывок подчеркивает свойственный жителям городка эгоизм. Хотя ни один из персонажей по своей сути не является злым, никто не является и по-настоящему добрым. Никто в городке, кажется, особо не беспокоится о человеке, который все равно никогда не был своим. Как только принимается самая романтическая версия исчезновения — та, что просто подтверждает существовавшие ранее у людей суеверия, — все забывают об Икабode. Разумеется, они проявили бы больше участия, будь он кому-то должен денег. Вместо этого его скромное имущество

распродается или делится. Его возвращение не сулило бы особой выгоды другим, а нового учителя всегда можно найти.

Этот отрывок также подчеркивает то, как создаются легенды и истории. Здесь окружающая обстановка вместе с историями, рассказанными в прошлом, напоминают жителям о Всаднике без головы, поэтому они быстро и легко выбирают это сверхъестественное явление в качестве наиболее вероятного объяснения исчезновения Икабода. Они откровенно игнорируют физическую улику – загадочную тыкву. Лучшая история – это та, что более легендарна и романтична, и этого людям вполне достаточно.

The old country wives, however, who are the best judges of these matters, maintain to this day that Ichabod was spirited away by supernatural means; and it is a favorite story often told about the neighborhood round the winter evening fire. [Idem, 518–519]

Narrator

Это ироничное наблюдение раскрывает, что рассказчик в значительной степени приписывает суеверия так называемым «бабьим сказкам» (*old wives' tales*). Пожилые женщины любят считать себя лучшими толковательницами событий, но они ошибаются. Бесспорно, у них может быть больше возможностей видеть долгосрочные закономерности местной истории, однако они интерпретируют каждое новое событие наиболее простым способом – таким, который подкрепляет их предрассудки.

Что касается всех остальных, то сверхъестественная версия истории просто интереснее для рассказывания, так что не особо важно, что произошло на самом деле. История Икабода Крейна превратилась в миф или легенду, которая помогает городу и развлекаться, и осмысливать себя. Это традиционный фольклорный сюжет для всего сообщества.

Примеры контрольных эссе

1 Объясните важность эпиграфа к «Легенде о Сонной Лощине».

Эпиграф взят из поэмы Джеймса Томсона (Thomson, 1700–1748) «Замок Праздности», которая, по сути, описывает край, где человек пребывает в состоянии, среднем между явью и грезой. Эти строки

отчетливо подчеркивают силу воображения в истории. Именно в своем мощном воображении Икабод находит большую часть своего счастья и жизненного азарта; действительно, он проводит почти все время в мечтах, что позволяет ему сбежать от более приземленных аспектов своей повседневности. Однако это становится опасным, когда он перестает четко различать воображение и реальность, тем самым жертвуя своими надеждами из-за неспособности действовать надлежащим образом для их достижения.

2 Является ли рассказчик «Легенды о Сонной Лощине» надежным?

Дидрих Никербокер – довольно ненадежный рассказчик, не из-за пороков характера, а потому что, как он поясняет в постскриптуме, он услышал эту историю от кого-то другого, кто и сам не особо верил в ее правдивость. Никербокер приберег эту оговорку для постскриптума, по-видимому предпочитая, чтобы читатели воспринимали историю как в основном правдивую ради удовольствия, хотя внимательные читатели будут настороже с самого начала, ибо это история о привидениях. Кроме того, есть сцены, о деталях которых Никербокер попросту не мог знать, если только история изначально не была рассказана самим Икабодом, что само по себе возможно, однако происхождение различных элементов истории недостаточно ясно, чтобы удовлетворить историка. Хороший историк предпринял бы усилия, чтобы определить, какие элементы вероятны, прежде чем публиковать услышанную историю. Но суть не в этом; надежность рассказчика не очень важна, потому что цель – насладиться хорошей историей и, возможно, чему-то научиться.

3 Что отрывки, касающиеся Катрины, показывают о том, как ее (или женщин в целом) воспринимают в городке?

Первое описание Катрины представляет ее как товар, подобный еде, которую нужно потребить: она «кругла, как куропатка» и «зрела, румяна и нежна, как один из персиков ее отца». Действительно, она – неотъемлемая часть фермы своего отца, не только в глазах Икабода, но, вероятно, и в глазах всех ее поклонников. Она описана исключительно в терминах составляющих фермы и в связи с ними. Тем не менее, она – человек: кокетка, которая, как многие восемнадцатилетние, представляет собой смесь противоречий и неопределенностей, что очень затрудняет задачу

ухажеру. Однако рассказчик не оправдывает ее возрастом, жалуясь, что она похожа на других кокеток, которых нужно покорять с героической решимостью. В конечном итоге Катрина утверждает свою власть женского выбора; именно она, судя по всему, отвергает ухаживания Икабода и принимает ухаживания Брома Бонса.

4 Обсудите, как мощное воображение Икабода приводит к его падению.

Воображение Икабода приводит к его падению двумя способами. Во-первых, его воображение заставляет его полностью терять чувство реальности в ситуации с Катриной, так что он считает свои шансы гораздо лучше, чем они есть, и так много фантазирует о будущем, что не может представить неудачу – но это также мешает ему внести необходимые изменения в жизнь, чтобы стать человеком, подходящим для нее. Во-вторых, его огромная любовь к историям о привидениях и другим сверхъестественным сказаниям, в которые он на самом деле верит из-за своего сильного воображения, делает его крайне восприимчивым к розыгрышу Брома Бонса, так что Икабод терпит поражение вдвойне.

5 Почему важно, что эта история происходит в Америке, а не в Европе?

Способность Икабода жить в мире грез, который почти подавляет его реальность, кажется, особенно характерна для Америки. Америка – это край идей и свободы добиваться успеха или неудачи благодаря собственным заслугам и инициативе. В рамках жестких классовых систем Европы, напротив, талантливому и амбициозному человеку трудно подняться выше своего происхождения, поэтому бездарный и неамбициозный человек даже не стал бы мечтать о возможном успехе, а если бы и стал, то был бы уверен в его практической невозможности. В Америке Икабода сдерживает его собственная праздность, а не неспособность горожан оценить его таланты. Вместо того чтобы рассказывать и слушать истории о привидениях, он мог бы предпринять шаги для успеха в бизнесе, что является путем, которым американцы обычно находят финансовое благополучие. Тем не менее, Америка достаточно свободна для того, чтобы интеллектual или даже

псевдоинтеллектуал (с некоторыми побочными талантами, вроде пения) мог свести концы с концами.

6 Как читатели, вероятно, отнесутся к тому, что Бром женится на Катрине, хотя Икабод является протагонистом?

Хотя Икабод и является протагонистом истории, он скорее антигерой, который, кажется, не заслуживает брака с Катриной. Его неудача – это своего рода поэтическое правосудие, наказывающее его за эгоизм. Бром кажется несколько более искренним, чем Икабод, в своих попытках завоевать руку Катрины, поскольку он готов бороться изо всех сил, чтобы победить соперника, в то время как для Икабода это скорее хитрая схема. Пассивность Икабода и его откровенные фантазии о деньгах Катрины (но не о ней самой) заставляют нас думать, что, кокетка она или нет, Катрина может найти лучшую партию. Бром более близок к простым людям, поэтому читатели, скорее всего, рады, что Катрина выбрала его. В то же время мы не так уж хорошо ее знаем, так что трудно сказать, насколько удачной окажется эта пара.

7 Как можно сказать, что Икабод является параллелью Крейону?

И Крейон, и Икабод обладают чрезвычайно развитым воображением, до такой степени, что оно граничит с галлюцинациями. Оба персонажа также используют свое мощное воображение как метод побега – от повседневной жизни или, возможно, от истины. Икабод использует свое воображение, чтобы сделать свою жизнь более захватывающей и наполненной, чем она есть, в то время как Крейон использует свое воображение, чтобы его путешествия казались более значительными и приятными. В обоих случаях вымысел часто лучше правды.

8 Что призраки и истории о привидениях представляют метафорически в этой повести?

Призраки и истории о привидениях, по словам рассказчика, существуют в Америке только в самых старых деревнях, которые были заселены на протяжении многих поколений. Это потому, что Америка слишком молода, чтобы иметь много призраков, но также и потому, что, как считает Никербокер, призраки не хотят появляться в городе, где они больше никого не знают. Это показывает, что «призраки» могут означать

любую связь между живыми и мертвыми, прошлым и настоящим, ритуалы, обычаи и традиции, которые связывают части прошлого и тех, кто умер, с настоящим и будущим. Истории о привидениях, как и фольклор любого сообщества, помогают этому сообществу понять себя и свою историю.

9 «Легенду о Сонной Лощине» часто читают отдельно, но изначально она была опубликована как часть «Книги эскизов». Как история вписывается в остальную часть «Книги эскизов»? Какие темы из книги она усложняет или какие темы усложняют ее?

Одной из основных тем в «Книге эскизов» является сила воображения и вопрос о том, следует ли позволять ему подавлять реальность. В других историях «Книги эскизов» это редко представляет опасность, но «Легенда о Сонной Лощине» показывает, какой опасной она может быть, на примере чрезмерно впечатлительного и праздного Икабода Крейна. Это усложняет то, что представляется вердиктом Крейна на протяжении всей остальной книги Ирвинга – что не обязательно выбирать реальность, если можно вообразить нечто лучшее. К 1820 году писатели в целом перешли от классических тем к романтическим, и вопросы о том, что делать с воображением, представляли значительный интерес.

10 Какова важность «Постскриптума»?

«Постскриптум» вводит новый уровень неопределенности в вопросе о достоверности истории. В то же время он бросает читателю вызов – все равно поверить в нее. Признаваясь, что Никербокер не сам нашел эту историю и что даже человек, рассказавший ее ему, лишь наполовину верил в нее, он еще больше дистанцирует нас от повествования. Но образ неприятного человека, который не получает удовольствия от истории, потому что не верит в нее, – это хороший урок для тех, кто слишком сварлив или пресыщен, чтобы наслаждаться хорошей историей.

Дополнительная информация: гессенские наемники

Жители Сонной Лощины считали, что Всадник без головы был гессенцем. Гессенцы – это солдаты из Северной Германии, которых «брали в аренду» у немецких князей для борьбы на стороне британцев в

Войне за независимость. В литературе об этой торговле людьми, в частности, упоминает Фридрих Шиллер (Schiller, 1759–1805) в трагедии «Коварство и любовь» (1784). Отец персонажа пьесы Фердинанда, президент фон Вальтер, – могущественный и циничный министр. Чтобы укрепить свое влияние при дворе, он заключает сделку с герцогом (который никогда не появляется на сцене, но его присутствие постоянно ощущается). Суть сделки в том, что герцог продает своих подданных в качестве солдат-наемников для войны в Северной Америке (имеется в виду Война за независимость США). Хотя 6 немецких князей сдавали свои войска внаем британцам, гессенцы из Гессен-Касселя были самыми многочисленными, составляя около 17000 из 30000 общих войск, отправленных за океан.

Немецкие князья проделывали это и раньше, и у них не было особых угрызений совести по поводу того, кому они сдают людей внаем, хотя британцы обычно были их лучшими клиентами. Во время Войны за независимость немцы по-прежнему рассматривали восстание как гнусное преступление, поэтому ни один князь не встал на сторону колонистов. Британцы испытывали амбивалентные чувства по поводу использования гессенцев: некоторые утверждали, что это будет намного дешевле, чем вербовать и обучать собственных людей, – и что они смогут быстро подавить восстание. Другие опасались, что гессенцы, находясь далеко от дома и сражаясь без личной заинтересованности в общем исходе, будут склонны к дезертирству, или что американцы, увидев, что британцы наняли иностранные войска, сделают то же самое. В конечном итоге британцы решили использовать их, и наемные немецкие солдаты составили около четверти всех сил, отправленных в Америку.

Качество подготовки гессенцев сильно различалось. В основном это были призывники или даже заключенные, и они получали очень мало денег по сравнению с офицерами. Таким образом, они не были в восторге от перспективы отправиться в Америку для участия в войне, которая не имеет к ним никакого отношения и за которую им мало платили. Однако многие из них имели хорошую подготовку, несомненно, в большей пропорции, чем солдаты-повстанцы, и многие отличались высоким уровнем мастерства.

Первые гессенцы прибыли на Стейтен-Айленд в августе 1776 года, и их 1-м сражением была Битва за Лонг-Айленд. На протяжении всей

оставшейся войны гессенцы участвовали почти в каждом сражении. Присутствие гессенцев глубоко оскорбило тех колонистов, которые были против восстания — они считали себя британскими подданными и были крайне возмущены тем, что британцы использовали против них иностранные войска. Американцы также пытались воспользоваться недовольством гессенцев, пытаясь убедить их дезертировать. В итоге большинство гессенцев вернулись домой, но около пяти тысяч остались и поселились в Америке или Канаде.

У Сонной Лоцины и у ее старожилов были вполне свежи воспоминания о войне. Призрак гессенца был вдвойне страшен, ибо это был не просто призрак, а призрак того, кого наняли убивать американских повстанцев. И этот конкретный гессенец, вероятно, был особенно зол, поскольку погиб, находясь на службе.

Вопросы и задания

1 Объясните, как тема достоверности повествования реализована через структуру «рассказ в рассказе» (Крейон — Никербокер — старый джентльмен). Почему это превращает читателя в критичного слушателя?

2 Заполните таблицу «Икабод Крейн против Брома Бонса» по трем критериям: отношение к знаниям, физическая сила, мотивация в любви к Катрине. Кто из них, по мнению автора, лучше адаптирован к американской жизни?

3 Как Ирвинг объясняет, почему в Америке мало привидений по сравнению с Европой?

4 Докажите, что жители Сонной Лоцины проявляют эгоизм по отношению к исчезнувшему Икабоду.

5 Какую роль в повести играют образы тыквы и моста? Почему находка разбитой тыквы рядом со шляпой является ключом к рациональному объяснению (а не сверхъестественному)?

6 Опишите, как сила воображения Икабода одновременно является источником его удовольствия (чтение страшилок) и причиной его поражения (фантазии о богатстве Катрины и страх перед Всадником).

7 Является ли рассказчик Дидрих Никербокер надежным? Обоснуйте ответ, используя информацию из «Постскриптума» (он слышал историю от старика, который сам не верил в нее).

8 Используя раздел «Гессенские наемники», объясните, почему призрак именно гессенца был особенно страшен для американцев того времени. С чем связана вдвойне страшная репутация этих солдат?

9 Представьте, что вы адвокат Икабода Крейна. Напишите речь в его защиту (6-8 предложений), опровергающую обвинения в жадности и доказывающую, что он был искренне влюблен в Катрину (используйте иронию автора).

10 Как «Легенда о Сонной Лощине» вписывается в «Книгу эскизов»? Чем американская идиллия (отсутствие классов, изобилие еды) отличается от европейской традиции, показанной в других рассказах Ирвинга?

Натаниэль Готорн (Hawthorne, 1804–1864)

Натаниэль Готорн родился 4 июля 1804 года в Салеме, штат Массачусетс. Он происходил из длинной линии пуританских предков, включая Джона Хоторна (Nathorne, 1641–1717) одного из судей во время Салемских процессов над ведьмами. Стремясь дистанцироваться от позорного участия семьи в этих процессах, Готорн добавил букву «w» к своей фамилии, когда ему было чуть больше двадцати.

Когда Натаниэлю было всего 4 года, его отец, капитан корабля, умер от желтой лихорадки в море, после чего мать стала чрезмерно опекать сына и поощряла его уединенные занятия. Детство сделало Готорна застенчивым и книжным, что предопределило его судьбу писателя.

После окончания Боудин-колледжа Готорн посвятил себя литературе. Его первый роман «Фэншо» (1828), не имел успеха, и позже сам автор отрекся от него, назвав любительским. Однако он написал несколько удачных рассказов, включая «Мой родственник, майор Молине» (1832), «Могилы Роджера Мэлвина» (1832), «Родимое пятно» (1843) и «Молодой Браун» (1835) – возможно, самый известный его рассказ.

В 1839 году из-за недостатка доходов от писательства Готорн устроился на работу в Бостонскую таможенную, где взвешивал и измерял товары. Через три года он оставил должность в таможне и присоединился к Брук-Фарм – эксперименту общинной жизни, вдохновленному идеями трансцендентализма. К 1842 году его литературные заработки наконец позволили ему жениться на Софии Пибоди (Peabody, 1809–1871) и переехать в «Обитель» в Конкорде, одном из центров трансцендентализма. У пары родилось трое детей. Старшую, Уну (1844), назвали в честь героини поэмы Эдмунда Спенсера (Spenser, 1552–1599) «Королева фей». Второго ребенка, сына Джулиана, родившегося в 1846 году, назвали в честь римского императора Юлиана Отступника (Julianus Apostata, 331–363). Младшая дочь, Роза (1851), была названа Готорном его «осенним цветком».

В 1840-х Готорн полностью погрузился в работу над своим самым знаменитым и признанным романом – «Алой буквой». Он писал его с невиданной прежде одержимостью. Муки творчества придали роману мощную энергетику, и позже писатель назвал его «историей, выжженной

в аду». 3 февраля 1850 года Готорн прочитал финальные страницы жене. По его словам, Пибоди отреагировала на произведение крайне эмоционально: «Оно разбило ей сердце и отправило в постель с жестокой головной болью, что я считаю полным триумфом».

Успех «Алой буквы» позволил Готорну полностью посвятить себя писательству. Он уехал из Салема в Ленокс, небольшой городок в Беркширах, где в 1851 году закончил роман «Дом о семи фронтонах». Там же он познакомился с Германом Мелвиллом (Melville, 1819–1891) и стал горячим сторонником его творчества, хотя позже их дружба дала трещину. Последующие романы Готорна – основанный на опыте жизни в Брук-Фарм «Блайтдейл» (1852) и «Мраморный фавн» (1860) – были встречены прохладно. Чтобы обеспечить себя, Готорн снова занял политический пост, став консулом в Ливерпуле, который получил за написание предвыборной биографии Франклина Пирса (Pierce, 1804–1869).

В 1852 году, после публикации «Блайтдейльского романа», Готорн вернулся в Конкорд и купил дом под названием «Хиллсайд», принадлежавший семье Луизы Мэй Олкотт (Alcott, 1832–1888). Он переименовал его в «Уэйсайд». Некоторое время он путешествовал и жил во Франции и Италии, но вернулся в «Уэйсайд» незадолго до начала Гражданской войны. Перед тем как серьезно заболеть, он опубликовал в «Atlantic Monthly» статью «Преимущественно о военных делах», где описал свои поездки в Белый дом и на поля сражений в Манассасе и Харперс-Ферри.

19 мая 1864 года, в возрасте 59 лет, Готорн скончался в Плимуте, Нью-Гэмпшир, после долгой болезни, сопровождавшейся приступами слабоумия. К тому времени он успел написать несколько глав нового романа, который был издан посмертно под названием «Роман Долливера».

Готорн был похоронен на кладбище Слипс-Холлоу в Конкорде. Трансценденталист и поэт Ральф Уолдо Эмерсон, его сосед, описал жизнь Готорна как «полную мучительного одиночества». Писатель поддерживал тесную дружбу с Франклином Пирсом, но в остальном у него было мало близких людей, и он почти не вел светской жизни.

После смерти Готорна были опубликованы несколько его незавершенных произведений. Его творчество остается значимым благодаря глубокому исследованию пуританской Новой Англии, личной

вины и сложности морального выбора. Хотя сам Готорн до конца жизни был недоволен своими работами, он по праву считается одним из величайших американских писателей.

**«Алая буква»
(The Scarlet Letter, 1850)**

«Алая буква» считается самым известным романом Натаниэля Готорна и первым по-настоящему американским произведением – по стилю, тематике и языку. Действие разворачивается в пуританском Массачусетсе XVII века и сосредоточено вокруг испытаний Эстер Принн, родившей дочь Перл после прелюбодеяния. Однако Готорна интересуют не столько сам грех, сколько его последствия: публичное позорище Эстер становится отправной точкой для исследования застарелых табу пуританской Новой Англии, актуальных и для современного ему общества.

Успех «Алой буквы» был обусловлен несколькими причинами. Во-первых, США в то время оставались молодым обществом – стране не было и 100 лет. Культурно она все еще зависела от Британии, но роман Готорна предложил уникально американские стиль, язык, персонажей и – главное – центральную дилемму. Помимо развлекательной функции, книга могла подтолкнуть к изменениям, ведь она затрагивала тему, остававшуюся спорной, даже табуированной. К 1850 году пуританские нормы смягчились, но недостаточно, чтобы роман встретили безропотно. Для Готорна решение построить сюжет вокруг адюльтера было в некотором роде рискованным.

Однако если героев романа волнует греховная связь, то Готорна – нет. Он сознательно опускает детали отношений Эстер и Димсдейла, сосредотачиваясь на их последствиях: публичном унижении женщины, воспитании «дитя греха» и ценностях общества, продлевающего наказание далеко за пределы разумного. Используя свою главную писательскую силу – глубинное погружение в психологию, анализ мыслей и эмоций, – Готорн очеловечивает всех участников драмы и одновременно демонизирует идеи, порожденные ею. Чиллингуорт, например, воплощает пуританскую мораль, которая под видом служения Богу поощряла

расправы, но на деле питалась подавленными грехами вроде похоти, жадности и зависти.

«Алая буква» также приобрела огромную популярность после публикации, поскольку ей посчастливилось стать одной из первых в Америке книг, изданных массовым тиражом. До этого книги в США обычно изготавливались вручную и продавались поштучно, небольшими партиями. Однако роман Готорна был напечатан на механическом прессе, и первый тираж в 2500 экземпляров разошелся моментально. Таким образом, успех «Алой буквы» объяснялся не только ее спорной тематикой, но и необычно широкой читательской аудиторией. Те, кто соглашался или не соглашался с идеями книги – пусть даже подсознательно – могли активно обсуждать ее. Роман стал чем-то вроде знакового политического памфлета, предметом бесконечных споров и дискуссий, несомненно повлияв на общественные изменения.

Дополнительным фактором успеха стала поддержка и уважение, которыми Готорн пользовался среди литературной элиты Новой Англии (вскоре он близко сойдется с Германом Мелвиллом). Благодаря этому роман приобрел популярность не только среди массового читателя, но и был признан «достойной» литературой – несмотря на внимание к теме супружеской измены.

«Алая буква» многократно экранизировалась, адаптировалась для телевидения и театра. Первая экранизация – черно-белый немой фильм 1908 года (IMDB tt0234671), последняя версия вышла в 1995 году с Деми Мур и Гэри Олдманом в главных ролях (IMDB tt0114345).

Краткое содержание романа

Эстер ведут к эшафоту, где ей предстоит подвергнуться публичному позору за прелюбодеяние. Она обязана носить на платье алую букву «А» – знак ее греха. Однако Эстер вышила эту букву золотыми нитями, придав ей неожиданную изысканность. На руках у нее – дочь Перл. Стоя на помосте, Эстер отказывается назвать имя отца ребенка. Среди собравшейся толпы она внезапно узнает своего мужа, вернувшегося из Амстердама, – Роджера Чиллингворта.

После возвращения в тюрьму Эстер навещает Чиллингворт. Он клянется, что вычислит соблазнителя, «прочитав правду в его сердце», и

заставляет жену поклясться хранить тайну его настоящего имени – имени обманутого мужа.

Эстер поселяется в хижине на опушке леса, где живет в уединении с Перл. Зарабатывая шитьем для местных знатных особ, она тем не менее большую часть времени помогает бедным и больным. Перл растет своенравной и дикой, даже мать не в силах добиться от нее послушания.

Роджер Чиллингворт приобретает репутацию искусного врача. Используя свое положение, он поселяется в одном доме с Артуром Димсдейлом – священником, чье здоровье быстро ухудшается. Вскоре Чиллингворт раскрывает, что Димсдейл – настоящий отец Перл, после чего посвящает все свое время мучительным намекам и психологическим пыткам священника.

Однажды ночью Димсдейл, измученный угрызениями совести, приходит к тому самому эшафоту, где когда-то стояла Эстер. Он всходит на помост и словно видит, как весь город смотрит на него с горящей буквой на груди. В этот момент появляются Эстер и Перл. Он просит их встать рядом, и они присоединяются к нему. Перл просит Димсдейла повторить этот жест завтра в полдень.

Когда метеор озаряет троих на эшафоте, они замечают Чиллингворта. Димсдейл в ужасе признается Эстер, что боится этого человека, после чего Чиллингворт «любезно» предлагает проводить священника домой. Эстер понимает: ее бывший муж медленно убивает Димсдейла, и она должна вмешаться.

Спустя несколько недель Эстер встречает Чиллингворта в лесу, где он собирает целебные травы. Она заявляет, что раскроет Димсдейлу его истинную личность. Чиллингворт холодно отвечает, что теперь их судьбы в руках Провидения, и она вольна поступать, как считает нужным.

Эстер вместе с Перл приходит в лес, где ждет Димсдейла. Когда священник появляется, он потрясен, но признается: ему отчаянно нужен друг, знающий его тайну. Эстер утешает его и раскрывает личность Чиллингворта. Димсдейл в ярости, но в итоге соглашается бежать вместе с ней. Возвращаясь в город, он чувствует небывалый прилив сил.

Эстер находит корабль, готовый принять всех троих, – он должен отплыть на следующий день после проповеди выборов, которую предстоит провести Димсдейлу. Однако в день проповеди Чиллингворт

уговаривает капитана взять и его на борт. Эстер в отчаянии – выход из ловушки кажется невозможным.

Димсдейл произносит свою лучшую проповедь, вызывая всеобщее восхищение. Затем неожиданно подходит к эшафоту и поднимается на него перед собравшейся толпой. Он зовет Эстер и Перл. Чиллингворт пытается остановить его, но Димсдейл лишь смеется в ответ: «Ты проиграл».

Стоя на эшафоте, Димсдейл признается, что он такой же грешник, как Эстер, и должен был разделить ее позор 7 лет назад. С этими словами он разрывает на груди свое одеяние, демонстрируя алую букву. Священник падает на колени и умирает на том самом помосте.

Эстер и Перл покидают город. Спустя годы Эстер возвращается одна – о дальнейшей судьбе Перл остается только догадываться. Говорят, она вышла замуж и растит детей где-то в Европе. Эстер так и не снимает свою алую букву, а после смерти ее хоронят у Королевской часовни.

Краткая характеристика персонажей «Алой буквы»

Артур Димсдейл

Артур Димсдейл – уважаемый бостонский священник и отец Перл. Пока Эстер ждала мужа из Амстердама, между ними вспыхнул запретный роман, результатом которого стало рождение дочери. Если Эстер подверглась публичному осуждению за прелюбодеяние, то Димсдейл вынужден скрывать свой грех, терзаясь в тишине. Его муки совести постепенно подтачивают здоровье, а присутствие Чиллингворта – мужа Эстер, жаждущего мести, – становится для него постоянным напоминанием о вине.

В финале романа Димсдейл, стоя на эшафоте, признается, что он – отец Перл, и обнажает алую букву на своей груди. Его последние мгновения проходят в руке Эстер, после чего он умирает, наконец обретя покой.

Черный человек

Прозвище, данное дьяволу в пуританских преданиях. Согласно легенде, Черный человек обитает в лесу и склоняет людей подписаться в

его книге, используя их собственную кровь вместо чернил. В романе этот образ становится мрачной метафорой греха и тайных преступлений.

Генерал Миллер

Старейший служащий Таможни. Занимая независимую должность Сборщика, он избегает политических перестановок. Он также защищает других сотрудников от увольнений, чем объясняется преклонный возраст многих работников.

Губернатор Беллингем

Бывший правитель, считающий, что Эстер не должна воспитывать Перл, так как это приведет к духовной гибели ребенка. Однако после ходатайства Димсдейла он разрешает оставить девочку с матерью.

Эстер Прин

Главная героиня романа, мать Перл. В наказание за связь со священником Артуром Димсдейлом она обязана носить алую букву “А”. Замужем за Роджером Чиллингвортом, но в его отсутствие вступила в запретные отношения, результатом которых стала Перл. Эстер не испытывает полного раскаяния, не понимая чрезмерной жестокости наказания. Когда губернатор Беллингем пытается отнять у нее дочь, она в отчаянии вопрошает, неужели женщина должна умереть за то, что последовала зову сердца, что заставляет Димсдейла заступиться – его первый шаг к признанию вины. Осознав, что Чиллингворт стремится погубить Димсдейла, Эстер приходит к выводу, что их брак изначально не был священным, раз муж одержим дьявольской жадой мести. В финале она разделяет с Димсдейлом его последние мгновения на эшафоте.

Инспектор

Старейший служащий Таможни. Эта должность была создана специально для него его отцом, и с тех пор он неизменно ее занимает. Его считают самым счастливым работником, вероятно, потому что он твердо знает: его положение непоколебимо.

Джон Уилсон

Старейший священник Бостона и друг Артура Димсдейла.

Джонатан Пью

Бывший инспектор Таможни. Готорн, выступая в роли рассказчика, утверждает, что нашел сверток с его именем, содержащий историю, положенную в основу романа.

Миссис Хиббинс

Сестра губернатора Беллингема. После событий романа ее казнят за колдовство. По ночам она регулярно пробирается в лес, чтобы тайно служить «Черному человеку».

Перл

Дочь Эстер, живое воплощение алой буквы. На протяжении всего романа она причиняет матери и Димсдейлу муки, то обнажая правду, то отрицая ее в самые критические моменты. Девочка необычайно красива, но лишена христианской благовоспитанности. После смерти Артура Димсдейла ее дикий нрав смягчается, и впоследствии она выходит замуж.

Роджер Чиллингворт

Муж Эстер, прибывший из Голландии. Он появляется в Бостоне в день публичного позора жены, когда ее принуждают носить алую букву. Поклявшись отомстить отцу Перл, он поселяется вместе с Артуром Димсдейлом, зная, что тот – любовник его жены. Его месть терпит крах в финале, когда Димсдейл перед смертью признается в отцовстве. Лишившись объекта ненависти, Чиллингворт вскоре умирает.

Основные темы «Алой буквы»

Публичное и личное чувство вины

Главная цель «Алой буквы» – показать разницу между публичным позором и внутренними страданиями за проступок. По законам того времени и строгой библейской морали, прелюбодеяние считалось тяжким грехом, заслуживающим смертной казни для обоих виновных, или, как минимум, жестокого публичного наказания. Даже если муж желал сохранить жизнь неверной жене, закон требовал ее казни.

Именно в этих условиях Эстер и Димсдейл вступают в связь. Однако роман демонстрирует, что публичного осуждения недостаточно, чтобы отразить всю сложность их отношений и обстоятельств. Готорн

показывает, как внутренние терзания, чувство вины и душевные муки становятся куда более суровым наказанием, чем любая кара общества.

Это заставляет задуматься: должно ли государство или общество вмешиваться в личные дела? Если измена не вредит окружающим, можно ли считать ее преступлением перед общиной? Более милосердное толкование Библии, основанное на Новом Завете, позже приведет к идее, что публичное наказание излишне – ведь каждый и так страдает за свои грехи.

Наказание vs прощение

Одна из самых сильных тем романа воплощена в Чиллингворте – своеобразном судье морали, в то время как Димсдейл, священник и предполагаемый носитель добродетели, сам запятнан грехом.

Примечательно, что Чиллингворт проявляет неожиданное снисхождение к Эстер. Чувствуется, что он понимает ее измену: он стар, уродлив, долго отсутствовал, тогда как она прекрасна и пылка. Его собственное самоотречение позволяет простить жену, но именно это усиливает его ярость по отношению к Димсдейлу. В священнике он видит ту страсть и силу, которых жаждет Эстер и которых лишен он сам.

Подобно пиявке, Чиллингворт высасывает из Димсдейла жизнь – не только чтобы наказать за связь с женой, но и чтобы символически присвоить его мужественность. С развитием сюжета Чиллингворт крепнет, а Димсдейл слабеет. Этот контраст сохраняется до кульминации: Димсдейл, публично признав вину и умерев на эшафоте, лишает Чиллингворта власти как карать, так и прощать.

Алая буква

Символика алой буквы многогранна, но особенно важна разница в том, как ее носят грешники. Изначальный образ, вдохновивший Готорна, – женщина, осужденная за прелюбодеяние и принужденная носить на одежде букву А, но украсившая ее вышивкой, словно превратив позор в предмет гордости. Этот реальный случай 1844 года, записанный Готорном в дневнике, стал основой истории Эстер Прин.

Эстер, вязальщица по профессии, воспринимает букву как бремя, навязанное обществом, – символ вины, который она вынуждена нести, хотя он мало влияет на ее внутренний мир. Димсдейл же, как священник,

выжигает себе алую букву на груди – ведь он страшится гнева общины. Так проявляется контраст: женщина, смирившаяся с грехом и принявшая публичное наказание, и мужчина, карающий себя сам, ибо не смеет открыть правду миру.

Грех и осуждение

Роман Готорна ставит под сомнение саму природу греха и пути к искуплению. Можно ли считать первоначальный проступок Эстер грехом? Она вышла за Чиллингворта, до конца не осознавая своих обязательств, затем годами жила без мужа и полюбила Димсдейла – возможно, впервые познав настоящее чувство. Грех ли в ее измене или же в необдуманном браке?

А в чем грех Чиллингворта? В том, что оставил жену вскоре после свадьбы? Или в неспособности простить, узнав правду? Является ли грех Димсдейла прелюбодеянием или лицемерием – тем, что он продолжал читать те же проповеди, не изменив их после своего падения?

Для каждого проступка возникает вопрос: соответствует ли наказание тяжести греха? И что требуется для искупления – в глазах общества и в собственной душе? Важно помнить, что пуританское понимание греха отличалось от представлений эпохи Готорна, а оба они – от современного христианского взгляда. Это не утверждает моральный релятивизм, но предостерегает от поспешных суждений.

Цивилизация vs. Дикая природа

Перл олицетворяет противостояние дикой природы и цивилизации. По сути, она – живое воплощение алой буквы: необузданная, страстная и совершенно равнодушная к правилам, нормам и законам своего времени. В каком-то смысле Перл – это сама невинность, но невинность индивидуальная и эмоциональная.

Пока жив Димсдейл, Перл словно магнитом притягивает его и Эстер, будто требуя их примирения или какого-то страстного воссоединения. Но как только Димсдейл умирает, Перл теряет свою энергичность и превращается в обычную девушку, способную выйти замуж и влиться в общество.

Это наводит на мысль, что Перл действительно была дитя похоти или любви – порождением отношений, выходящих за рамки строгих

пуританских норм. Когда пламя любви угасает, она наконец может стать частью общества.

Город vs Лес

В городе Эстер постоянно сталкивается с юридическими и моральными последствиями своего преступного поступка. Губернатор Беллингем пытается отнять у нее дочь, Чиллингворт напоминает о совершенном грехе, а встречаясь с Димсдейлом, она видит перед собой грешника, чья репутация при этом остается незапятнанной.

Но стоит Эстер выйти за пределы города и войти в лес – традиционный символ безграничной, ничем не сдерживаемой страсти, – как она вновь обретает свободу быть собой. Лес также традиционно олицетворяет тьму. В ночном мраке Эстер может свободно встречаться с Димсдейлом, признаваться в своих сомнениях и жить вдали от мучений и бремени вины, навязанных обществом. Ночью и Димсдейл получает возможность открыто явить свою вину, стоя на эшафоте, и примириться с Эстер.

Прошлое vs Настоящее

Преступление Эстер Принн против общества было совершено 7 лет назад, но наказание за него продолжается. Эстер сумела простить себе свою измену, однако общество по-прежнему презирает ее за этот поступок. (Здесь можно провести параллель с Жаном Вальжаном из «Отверженных» (1862) Виктора Гюго (Hugo, 1802–1885), навсегда оставшимся преступником после одного незначительного проступка).

Эстер обрела душевный мир и приняла свой грех, и в этом состоянии она видит, насколько нетерпимы и жестоки мысли и отношение горожан. Перл служит ей постоянным напоминанием о бурном прошлом, но по мере взросления дочери Эстер продолжает жить в настоящем, а не в прошлом.

Преподобный Димсдейл, напротив, остается пленником прошлых грехов и (наряду с Чиллингвортом) отражает склонность города наказывать долгое время после совершения проступка. Подавляя свое признание, Димсдейл сосредоточен на примирении с греховным прошлым вместо того, чтобы прямо взглянуть на проблемы настоящего.

Дополнительная информация: наказание за прелюбодеяние

Для современного читателя наказание Эстер – пожизненное ношение алой буквы как клейма позора – может показаться жестоким и необычным. Однако по меркам того времени оно было чрезвычайно мягким в сравнении с библейскими и юридическими нормами.

Библейские истоки

Пуритане руководствовались ветхозаветными заповедями:

- «Не прелюбодействуй» (Исход 20:14).
- «Если кто прелюбодействует с женой ближнего своего, да будут преданы смерти и прелюбодей и прелюбодейка» (Левит 20:10).

В Новом Завете Иисус расширил понятие греха, включив даже «прелюбодеяние в сердце»:

- «Всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем» (Матфея 5:28).

Таким образом, вне зависимости от воли Чиллингворта, Эстер и Димсдейл заслуживали смерти согласно пуританским представлениям о моральном долге общины. Прелюбодеяние считалось не частным грехом, а преступлением перед всем обществом. Даже если муж желал сохранить жизнь неверной жене, закон требовал казни.

Исторические реалии

- В 1641 году в Бостоне прелюбодеяние каралось смертью (эшафот использовался исключительно для казней).
- В 1644 году Мэри Лэтэм и Джеймс Бриттон были казнены за адюльтер – этот случай зафиксирован в дневнике Джона Уинтропа (Winthrop, 1588–1649).
- Однако чаще применялось телесное наказание (порка), так как смертная казнь считалась слишком суровой.

Связь с семьей Готорна

Прадед писателя, майор Джон Хоторн, в 1688 году, будучи салемским судьей, приговорил Эстер Крэффорд к публичной порке за рождение внебрачного ребенка.

Контраст в романе

Готорн подчеркивает лицемерие системы:

- Эстер несет публичное наказание, но находит внутреннюю свободу;
- Димсдейл избегает позора, но разрушает себя скрытой виной;
- Чиллингворт, мстящий «во имя морали», сам становится воплощением зла.

Вывод: Наказание Эстер – компромисс между библейской жестокостью и относительной «гуманностью» пуританского общества. Но истинная трагедия романа – не в букве на платье, а в неравенстве между страданием женщины и безнаказанностью мужчин.

Вопросы и задания

1 Заполните таблицу «Публичное и личное чувство вины». Сравните, как несут свое наказание Эстер Принн (алая буква на одежде) и Артур Димсдейл (жест у сердца, самоистязание). Кто страдает больше и почему?

2 Объясните символическое значение куста дикой розы у тюремной двери и леса за городом. Как эти природные образы противопоставлены пуританскому закону и цивилизации?

3 Проанализируйте образ Роджера Чиллингворта. Почему его называют воплощением пуританской морали, которая под видом служения Богу поощряла расправы?

4 Готорн сознательно опускает детали греховной связи. Почему для него важнее последствия (воспитание Перл, психология Димсдейла), чем сам факт прелюбодеяния?

5 Используя раздел «Дополнительная информация», сравните наказание Эстер (ношение буквы) с реальными приговорами пуритан (смертная казнь, порка). Почему наказание Готорна мягче исторических реалий?

6 Напишите внутренний монолог Артура Димсдейла в ночь перед проповедью, когда он решает подняться на эшафот. Используйте мотивы тайны, вины и страха перед Чиллингвортом.

7 Зачем Готорну понадобилось вступление о таможне? Как эта рамка придает роману достоверность?

8 Объясните, почему Димсдейл, а не Эстер, испытывает более сильные угрызения совести. Как связаны его религиозный сан и лицемерие (проповедует одно, а делает другое)?

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1 Библия / Юбилейное изд-е, посв. 1000-летию Крещения Руси. – Москва : Изд-е Московской Патриархии, 1988. – 1376 с.

2 Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений : в 10 т. Т. 4 / Н. В. Гоголь. – Berlin : Слово, 1921. – 444 с.

3 Brown C. V. Wieland, or The Transformation. Together with Memoirs of Carwin the Biloquist: A Fragment (Ed. by F.L. Pattee). / C. V. Brown. – New York : Harcourt, Brace and Company, 1926. – 410p.

4 Dickens Ch. Bleak House / Ch. Dickens. – London : Adam and Charles Black, 1904. – 909 p.

5 Dunlap W. Memoirs of Charles Brockden Brown, the American novelist. / W. Dunlap. – London : H. Colburn and Co, 1822. – 2 p.l., 337 p.

6 Hawthorne N. The Scarlet Letter: A Romance / N. Hawthorne. – Philadelphia : Henry Altemus, 1892. – 355 p.

7 Hugo V. Les Misérables / Hugo V. – Paris : J. Hetzel, 1867. – 820 p.

8 Irving W. The Sketch-Book of Geoffrey Crayon, Gent.: The Author's Revised Edition / W. Irving. – New York : G. P. Putnam's Sons, 1880. – 550 p.

9 Mather C. Bonifacius / C. Mather. – Gainesville : Scholars' Facsimiles & Reprints, 1967. – 234 p.

10 Mather C. The Christian philosopher. [Электронный ресурс] // archive.org [сайт]. – URL: <https://archive.org/details/christianphiloso00math/page/18/mode/2up> / (дата обращения: 03.09.25).

11 Mather C. Dust and ashes. [Электронный ресурс] // quod.lib.umich.edu [сайт]. – URL: <https://name.umdl.umich.edu/N01225.0001.001/> (дата обращения: 03.09.25).

12 Mather C. Elizabeth in her holy retirement. [Электронный ресурс] // quod.lib.umich.edu [сайт]. – URL: <https://name.umdl.umich.edu/N01226.0001.001/> (дата обращения: 03.09.25).

13 Mather C. An essay on comets. [Электронный ресурс] // quod.lib.umich.edu [сайт]. – URL: <https://name.umdl.umich.edu/N04357.0001.001/> (дата обращения: 03.09.25).

14 Mather C. *Essays to do good.* / C. Mather. – Glasgow : Printed for Chalmers and Collins (etc.), 1825. – 290p.

15 Mather C. *Febrifugium.* [Электронный ресурс] // quod.lib.umich.edu [сайт]. – URL: [https:// name.umdl.umich.edu/ N01597.0001.001](https://name.umdl.umich.edu/N01597.0001.001) / (дата обращения: 03.09.25).

16 Mather C. *Insanabilia.* [Электронный ресурс] // quod.lib.umich.edu [сайт]. URL: <https:// name.umdl.umich.edu/ N01424.0001.001> / (дата обращения: 03.09.25).

17 Mather C. *Magnalia Christi Americana.* [Электронный ресурс] // archive.org [сайт]. – URL: [https://archive.org/details/ magnaliachristia00math/](https://archive.org/details/magnaliachristia00math/) (дата обращения: 03.09.25).

18 Mather C. *Memorable Providences.* [Электронный ресурс] // quod.lib.umich.edu [сайт]. – URL: <https:// name.umdl.umich.edu/ N00392.0001.001> / (дата обращения: 03.09.25).

19 Mather C. *The Negro Christianized.* [Электронный ресурс] // quod.lib.umich.edu [сайт]. – URL: <https:// name.umdl.umich.edu/ N01059.0001.001> / (дата обращения: 03.09.25).

20 Mather C. *Psalterium Americanum.* / C. Mather. – Boston in N.E. : Printed by S. Kneeland, for B. Eliot, S. Gerrish, D. Henchman, and J. Edwards, and sold at their shops, 1718.– [2], xxxv, [1], 426 p.

21 Mather C. *A warning to the flocks against wolves in sheeps cloathing.* / C. Mather. – Boston : Printed by B. Green and J. Allen for the booksellers, 1700. – 79p.

22 Mather C. *The wonders of the invisible world* / C. Mather. – London : J.R. Smith, 1862.– xvi, 291 p.

23 Melville H. *Redburn: His First Voyage: Being the Sailor Boy Confessions and Reminiscences of the Son-of-a-Gentleman in the Merchant Service* / H. Melville. – Boston : L.C. Page & Company, 1924. – 348 p.

24 Schiller F. *Kabale und Liebe: Ein bürgerliches Trauerspiel in fünf Aufzügen: Faksimiledruck der Ausgabe Frankfurt und Leipzig 1784* / F. Schiller. – Berlin : Henschelverlag, 1955. – 234 S.

25 Verne J. *Un capitaine de quinze ans.* / J. Verne. – Paris : J. Hetzel, 1878. – 396 p.

26 Winthrop J. A journal of the Transactions and Occurrences in the settlement of Massachusetts and the other New-England Colonies, from the year 1630 to 1644. [Электронный ресурс] // archive.org [сайт]. – URL: <https://archive.org/details/journaloftransac00wint/mode/2up> / (дата обращения: 03.09.25).

ПРИЛОЖЕНИЕ

Вопросы для самостоятельной проверки знаний

Эссе Мэзера

1 According to Mather's essay "The Reward of Well-Doing," what is the highest reward for a righteous person?

- Wealth and prosperity on earth
- Gaining favor in the eyes of God
- Respect and honor in the community
- A long and healthy life

2 Which character from Mather's essays was accused of witchcraft in Salem and, ironically, was promised by the Devil the title of Queen of Hell?

- Elizabeth
- Jeremiah Fenwick
- Martha Carrier
- Lydia George

3 What biblical image does Mather use as a symbol of New England's chosenness, but also as a reminder of the risk of divine punishment for apostasy?

- Babylon
- Egypt
- Israel
- Jerusalem

4 Which essay did Mather write in response to the fraud of "Reverend" Samuel May, who used the trust in clergy to seduce women?

- The Negro Christianized
- A Warning to the Flocks Against Wolves in Sheep's Clothing
- The Diligence of Wicked Men in Doing Evil
- Ladies and Men of Wealth Have the Means of Doing Much Good

5 Whom did Mather call a man "with whom it is difficult to disagree on anything," yet he dared to challenge his theory of comets?

- Aristotle
- Galileo Galilei
- René Descartes
- Sir Isaac Newton

6 What central idea does Mather's essay collection "Bonifacius" promote?

The need for separation of church and state

Practical doing of good and beneficence

Predestination and the impossibility of salvation through good works

The harm of reading fiction

7 In "The Negro Christianized," how does Mather argue that baptism benefits slaves?

Baptism automatically frees the slave

Baptism makes slaves better and more obedient servants

Baptism gives slaves the right to rebel

Baptism allows slaves to demand wages for their labor

8 How does Mather explain the fact that Native Americans do not know Christianity?

Their low intellectual development

The lack of missionaries among the Puritans

The all-encompassing influence of the Devil on the "Devil's Territories"

The fact that they are descendants of the lost tribes of Israel

9 According to Mather, what percentage of their income should "ladies and men of wealth" give according to biblical law?

No less than 5 %

Exactly 10 % (the tithe), and beyond that, voluntary generosity

All their wealth before death

A tithe, but only in money, not in goods

10 To which character (a collective image) did Mather strongly recommend breastfeeding her own infant rather than using a wet nurse?

Martha Carrier

Elizabeth

Lydia George

Abigail Phillips

11 According to Mather's essay "The Diligence of Wicked Men in Doing Evil," what is the main reason sinners are often more successful than the righteous?

Sinners are directly helped by Satan

The absence of moral restrictions allows sinners to act more cunningly and inventively

The righteous are lazy by nature
Sinners are born smarter

12 What phrase did Benjamin Franklin use to describe Mather's book "Bonifacius"?

"The dullest book I have ever read"

"The book that most influenced my youth"

"A dangerous heresy unworthy of an educated man"

"A brilliant example of science fiction"

13 In the essay "Of Man," how does Mather characterize man's position in the cosmic hierarchy?

Man is nothing before the greatness of the cosmos

Man, created in God's image, is the master over all earthly things

Man is merely a link in the chain of reincarnations

Man is lower than angels and animals

14 In which essay does Mather state that only those under the influence of the Devil can doubt the existence of the Devil?

Bonifacius

The Christian Philosopher

The Wonders of the Invisible World

An Essay on Comets

15 What apocalyptic event did Mather believe would take place on American soil, with himself as one of the spiritual leaders?

The Second Coming of Christ

The final battle between good and evil (the Millennium)

The Great Flood

The destruction of Jerusalem

16 According to Mather, what did angels reveal to him about his literary career?

That he should stop writing immediately

That his works would be published and read in both America and Europe

That all his manuscripts would be burned

That he would never achieve fame

17 In "A Warning to the Flocks Against Wolves in Sheep's Clothing," Mather criticizes which social phenomenon?

Witchcraft among the clergy

Institutional hypocrisy and fraud among the clergy
The education of children
The slave trade

18 How does Mather's essay "The Christian Philosopher" attempt to reconcile faith and science?

By rejecting all scientific discoveries

By arguing that studying nature only strengthens belief in Divine design

By claiming that science is a sin

By separating religion from the natural world entirely

19 What is the symbolic meaning of "Angels" in Mather's essays?

Mere literary metaphors

Real supernatural beings who actively intervene in earthly affairs

Pagan deities

Figurative representations of human virtues

20 According to Mather's essay "The Negro Christianized," what effect did slave owners fear conversion would have on slaves?

It would lead to mass uprisings and rebellions

It would make them lazy

It would cause them to flee to Europe

It would make them demand freedom immediately

21 What natural phenomenon discussed in Mather's "An Essay on Comets" did he correctly dispute Newton's theory about?

The orbit of comets around the sun

The dense, compact, and solid properties of comets

The speed of comets

The composition of comets' tails

22 In Mather's view, what was the missionary purpose of Puritans arriving in the New World?

To find gold and treasure

To reclaim lands from the Devil's forces who had ruled there unopposed

To establish a monarchy

To escape the plague in Europe

23 Which essay contains Mather's argument that voluntary generosity beyond the obligatory tithe brings special favor in God's eyes?

The Reward of Well-Doing

The Diligence of Wicked Men in Doing Evil

Ladies and Men of Wealth Have the Means of Doing Much Good
Of Man

24 What does the symbol of the "Apocalypse" represent in Mather's essays?

A distant event with no connection to America

The final battle between good and evil, which would occur on American soil

The end of the Puritan church

The destruction of all books

25 According to the textbook's analysis, what paradox defines Mather's approach to science and religion?

He rejected all scientific knowledge as heretical

He possessed deep knowledge of modern science but used it only to confirm theological dogmas

He was ignorant of the science of his time

He believed science was more important than religion

«Виланд»

1 What year was Wieland published?

1798

1810

1799

1783

2 The narrator of the novel is

An omniscient, anonymous narrator

Clara Wieland

Henry Pleyel

Theodore Wieland

3 The Wieland family is

French

German

Swiss

English

- 4 Which of the following statements regarding the elder Wieland is FALSE?
- He was apprenticed at a young age
 - He was very rational and secular
 - He died in the temple
 - He had a missionary calling
- 5 The book the elder Wieland discovered was
- About the French Protestant sect the Camissards
 - The Koran
 - The Apocrypha
 - Aristotle's Poetics
- 6 The elder Wieland moved from Europe to the rural area near
- Philadelphia
 - Baltimore
 - New York
 - Boston
- 7 The elder Wieland died of
- Illness
 - Suicide
 - Old age
 - An unknown, mysterious cause
- 8 Clara's opinion on her father's death was
- She believed the scientific explanation of spontaneous combustion
 - She was not sure if it was by a divine hand or spontaneous combustion
 - She was assured that he was murdered by another human being
 - She was sure God killed him
- 9 Clara's closest friend in childhood was
- Henry Pleyel
 - Catharine Pleyel
 - Her brother
 - Louisa Conway
- 10 Wieland's profession was
- Politics
 - Shipping
 - The ministry
 - Agriculture

11 In terms of religion, how did Clara and her brother feel?

Neither of them particularly concerned themselves with religion or the natural world

Clara believed herself more rational and Wieland was very religious

Both Clara and her brother were very religious and superstitious

Wieland was a product of Enlightenment thinking and did not espouse religious beliefs

12 Wieland's intellectual hero was

Aristotle

Plato

Descartes

Cicero

13 Which of the following statements about Henry Pleyel is FALSE?

He was equally religious as Wieland

He was in love with a baroness in Saxony

He was dedicated to reason, rationality, and skepticism

He lived abroad for many years

14 Who is Louisa Conway?

Clara's maidservant

The Wieland's ward

The woman Pleyel is in love with

One of Wieland and Catharine's children

15 Whose voice did Wieland hear when he went to the temple to find the letter he left?

Pleyel

Catharine

Clara

God

16 What does Pleyel believe about the voice Wieland hears?

Wieland's senses deceived him

That it was actually Catharine's; she was playing a trick on him

It was a dream

It was of supernatural origin

17 What was Wieland's character like?

Melancholy, reserved, thoughtful

Quiet, meek, shy

Friendly, open, mirthful

Angry, bitter, depressed

18 Pleyel encourages Wieland to take up his inheritance in Saxony for all of the following reasons EXCEPT

Pleyel believed the manners, civil rights, state of politics, and freedom of religion were preferable

Wieland would be rich and enjoy the privileges of rank

Pleyel was in love with a woman who lived there

Wieland kept talking about how he hated America and needed a change

19 What does the mysterious voice tell Pleyel and Wieland?

That Catharine is opposed to the Saxony scheme and that Pleyel's beloved is dead

That Catharine approves of the Saxony scheme

That God wants Wieland to remain in America

That Mettingen is unsafe

20 What does Clara find so enthralling about the man who visits her house?

His voice

His eyes

His figure

His writing

21 Which of the following statements regarding Clara's response to Carwin is FALSE?

She spends hours looking at his portrait

Thoughts of Carwin lead to thoughts about her brother and his family and their eventual deaths

The storm raging outside mirrors the storm raging within her

Her interest in him was fleeting and insignificant; other thoughts occupied her more

22 While thinking about Carwin in her room, Clara's thoughts also turn to

The writings of Cicero

Her brother and his family dead

Her romantic interest in Pleyel

Religion

23 From where in her home does Clara hear the murderous voices emanating from?

Her closet

Under her bed

In the kitchen

In her maid's room

24 How do Wieland and Pleyel discover Clara fainted upon Wieland's doorstep?

Carwin knocks on the door

Catharine was out walking the property

A mysterious voice alerts them

Clara screams to them

25 When Clara hears the strange voice near the summer-house, what does it say?

It tells her Pleyel's beloved had died

It tells her that her brother is going to die

It warns her away from this spot because it is dangerous

It warns her about Carwin

«Легенда о Сонной Лощине»

1 How does Diedrich Knickerbocker come to know this story?

He met Ichabod when he was a judge

He was distantly related to the Van Tassels

He visited Sleepy Hollow, where old wives told him the story

He heard it from an old man at a corporation meeting

2 Why do the town historians believe the Headless Horseman is often near the church?

They believe he is trying to atone for his sins and get to heaven

They believe he died while attacking the church

They believe he died looking for sanctuary

They believe his body is buried in the churchyard

3 What building was designed so that a thief could get in easily but not get out?

The school house

Baltus Van Tassel's farmhouse

Ichabod Crane's house

The church

4 What is Ichabod vain about?

His clothes

His house

His singing voice

His height

5 Which of these characters did not grow up near Sleepy Hollow?

Hans Van Ripper

Brom Bones

Katrina Van Tassel

Ichabod Crane

6 At which of the following is Ichabod least skilled?

Horseback riding

Singing

Dancing

Teaching

7 Which of the following is true of Ichabod Crane as a teacher?

He frequently disciplines his students with a rod

He treats every student exactly the same

He only cares about his brightest students

He spoils his students

8 What does Brom start to do to win Katrina from Ichabod when he realizes that Ichabod will not fight him?

He tries to win over Katrina's father

He plays practical jokes on Ichabod

He educates himself so he can rival Ichabod

He spreads rumors about Ichabod

9 Which of the following best categorizes "The Legend of Sleepy Hollow?"

Memoir

Humor

Horror

Melodrama

10 What does Mrs. Van Tassel spend most of her time doing?

Looking after her hens

- Cooking and cleaning
 - Teaching singing lessons
 - Watching out for Katrina
- 11 What is one of Ichabod's favorite subjects?
- Revolutionary War stories
 - Dinosaurs
 - Witches
 - Religion
- 12 What does the Headless Horseman do when Ichabod turns around?
- He explodes
 - He turns into a skeleton
 - He disappears suddenly
 - He throws his head at Ichabod
- 13 What is probably most important in making Ichabod fall for Katrina?
- Her intelligence
 - Her father's farm
 - Her charm
 - Her beauty
- 14 Who lends Ichabod a horse?
- Brom Bones
 - Katrina Van Tassel
 - Hans Van Ripper
 - Baltus Van Tassel
- 15 What excuse does Ichabod use to see Katrina frequently?
- Her mother's great ghost stories
 - He gets riding lessons from her father
 - His role as her school master
 - His role as her singing teacher
- 16 What sport did the narrator first do in Sleepy Hollow?
- Squirrel shooting
 - Horseback riding
 - Canoeing
 - Fishing
- 17 What is Brom Bones' real name?
- Brom Bones
 - Brom Van Tassel

Abraham Van Brunt

Abraham Bones

18 What is the ancestry of most of Sleepy Hollow's inhabitants?

Dutch

British

German

French

19 Why does Ichabod let his students leave early one day?

He is planning to fight Brom Bones

A bad snow storm is coming

He has read a ghost story and become afraid to walk home after dark

So that he can get ready for a party at the Van Tassels'

20 How do most people think the Headless Horseman lost his head?

An American soldier decapitated him with his sword

A cannon ball knocked it off

He was guillotined

He hit it on a bridge while his horse was galloping

21 The line, "When he entered the house, the conquest of his heart was complete," illustrates the narrator's cynical view of which of the following?

Morality

Wealth

Love

Charity

22 Ichabod is especially:

Shy

Tall and thin

Violent

Burly

23 What item of Ichabod's is found by the brook after he disappears?

His pants

His coat

His hat

His school book

24 Where does Ichabod expect the Headless Horseman to disappear?

At the schoolhouse

At the bridge by the church

At the church

At Major Andre's tree

25 Who is most likely responsible for Ichabod's run-in with the Headless Horseman?

Baltus Van Tassel

Hans Van Ripper

Brom Bones

Katrina Van Tassel

«Алая буква»

1 Hawthorne completed *The Scarlet Letter* in what year?

1820

1900

1850

1950

2 Why did Hawthorne write the Custom-House introduction to the novel?

he wanted to describe how he "discovered" the manuscript

he was interested in the economic side of adultery

he thought *The Scarlet Letter* was too short to print by itself

he wanted to write an autobiographical short story

3 The prison door best represents which of the following?

a dirty, rusted old door separating Hester from her daughter

the strength of Hester's determination to live with her crime

an escape route for Hester

Puritanical severity of law and the authority of the regime

4 The rosebush outside the prison door is a symbol of all of the following except:

Ann Hutchinson's tolerance of other religions

Hester's passion

Puritanical punishment for moral crimes

the wilderness surrounding Boston

5 The blossoms of the rosebush are metaphors for:

Pearl and the crime of the story

Pearl and the moral of the story

Hester's passion and her marriage to Roger Chillingworth

Dimmesdale's love for Hester

- 6 Hawthorne's portrayal of the Puritanical society is one of:
disgust with the Puritan way of life
support for the Puritan way of life
contradictory images and hypocrisy
none of the above
- 7 Hester has embroidered what symbol onto her dress?
a scarlet letter A
a bird for freedom
a round pearl
a rose blossom
- 8 What gesture does Reverend Dimmesdale make throughout the book?
raises his eyes to heaven
rubs his brow
pulls at his shirt sleeves
places his hand over his heart
- 9 All of the following ironies occur in the first scaffold scene except:
the irony that Chillingworth chides Hester from the crowd, asking her to reveal the father
the irony that Hester is married to Chillingworth but has had a child with another man
the irony that Pearl will bring Hester and Dimmesdale back together
the irony that Dimmesdale is called upon to ask Hester who the father is
- 10 Chillingworth pretends to be of what profession?
a lawyer
a clergyman
an infantryman
a doctor
- 11 After she is released from prison, Hester goes to live where?
on the outskirts of Boston
in another city in the colony of Massachusetts
within the city of Boston
with Roger Chillingworth
- 12 How does Hester earn a living?
by selling wood in Boston
by growing crops

by healing other people
by her needlework

13 What is the first thing that Pearl sees as a baby?

the scarlet letter on Hester's chest
the rosebush
the inside of a prison cell
Hester

14 What does Pearl best represent throughout the novel?

a young innocent child
a form of punishment for Hester
the living embodiment of Hester's sin
the unifying force that will bring Hester and Dimmesdale together at the end

15 When John Wilson asks Pearl who her maker is, Pearl replies:

that God made her
that she was plucked off of a rose bush
that Hester and Dimmesdale made her
that sin made her

16 Mistress Hibbins, the sister of Governor Bellingham, is reputed to be:

a good mother
a cruel lady
a Puritan
a witch

17 Hawthorne draws strong parallels between what three images?

the prison door, the scarlet letter, Pearl
Pearl, the red rose, the scarlet letter
the prison door, the red rose, Pearl
Pearl, Hester, the red rose

18 To whom does Hawthorne apply the term "The Leech"?

Dimmesdale
Pearl
Hester
Chillingworth

19 How does Chillingworth figure out who Pearl's father really is?

He never finds out
Hester tells him one day in the woods

Dimmesdale tells him

Chillingworth becomes Dimmesdale's doctor and guesses the secret

20 What illuminates the first scaffold scene where Hester, Dimmesdale and Pearl are brought together?

a fire

a torch

a lantern

a meteor

21 The fact that this scaffold scene is illuminated can be understood as:

divine intervention

bad luck

success for Chillingworth

Hawthorne's desire to be melodramatic

22 Pearl's role changes towards the end of the novel. She starts to "punish" which character?

Chillingworth

Hester

Dimmesdale

Bellingham

23 What is Hester's response when she learns that the Puritan council might allow her to remove her scarlet letter?

she is furious

she is very happy

she indicates that only God can remove her letter

she immediately takes the letter off and goes into town without it

24 Hester tries to convince Dimmesdale to do what during their walks in the woods?

to marry her

to adopt Pearl

to get rid of Chillingworth

to run away and live elsewhere

25 What does the forest stand for?

An evil place where the Dark Man lives

A bright place where flowers grow

A wild, uninhibited place where passion can flourish

A dark, sinister place where lives are ruined

Учебное издание

Дмитрий Валерьевич Портнягин

**Американская литература XVIII-XIX веков:
избранные произведения**

Учебное пособие

Редактор В. А. Лисина

Подписано в печать 15.05.26

Формат 60x84 1/16

Бумага 80 г/см²

Печать цифровая

Усл. печ. л. 7,25

Уч.-изд. л. 7,25

Заказ 28

Тираж 100

БИЦ Курганского государственного университета.

640020, г. Курган, ул. Советская, 63/4.

Курганский государственный университет.